

12+

ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия № 3
ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ

Выпуск 2/2020

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

12 +

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 3

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Выпуск 2 / 2020

Электронный научный журнал

Пермь
ПГГПУ
2020

Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 3. Гуманитарные и общественные науки. Вып. 2 / 2020: электронный научный журнал [Электронный ресурс] / ред. кол.: А.А. Краузе (отв. ред. вып.), С.П. Парамонова, Н.Л. Габриель (отв. секретарь); Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь, 2020. – 88 с. – 2,1 Мб.

В выпуске представлены публикации, посвященные актуальным проблемам современной философии и социологии. Авторы исследуют многообразие подходов и уровней методологии, от общепедагогической до междисциплинарной, что позволяет рассмотреть многочисленные трансформации современного общества, культуры, сознания и т.д. в широкой палитре взаимодействий.

Издание адресовано ученым в области социально-гуманитарных наук, магистрам и аспирантам, всем тем, кто интересуется данными проблемами.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЕСТНИКА ПГГПУ:

А.М. БЕЛАВИН – и.о. проректора по научной работе и внешним связям ПГГПУ, д-р ист. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

А.А. КРАУЗЕ – канд. филос. наук, доц., зав. кафедрой философии и обществ. наук ПГГПУ (отв. ред.)
Н.Л. ГАБРИЕЛЬ – канд. ист. наук, доц. кафедры философии и обществ. наук ПГГПУ (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА:

А.А. КРАУЗЕ – канд. филос. наук, доц., зав. кафедрой философии и обществ. наук ПГГПУ (отв. ред.)
С.П. ПАРАМОНОВА – д-р филос. наук, проф. кафедры социологии ПНИПУ
Н.Л. ГАБРИЕЛЬ – канд. ист. наук, доц. кафедры философии и обществ. наук ПГГПУ (отв. секретарь)

Электронный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77-78185 от 27.03.2020

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), договор № 270-04/2014 от 28.04.2014
Журнал зарегистрирован как сериальное издание в международном регистрационном каталоге
(ISSN International Centre, Франция, Париж)

Сайт журнала «Вестник ПГГПУ». Серия № 3 «Гуманитарные и общественные науки»: URL: <http://www.vestnik3.pspu.ru>

Электронная почта журнала для отправки статей: krauze@pspu.ru – для Порозова Владимира Александровича
Издается по решению редакционно-издательского совета ПГГПУ

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ.....	4
<i>Краузе А.А.</i> ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА «ИННОВАЦИЯ»... 4	
<i>Парамонова С.П., Мишарин К.Д., Тимербулатова Е.Ф., Шмыков К.Е.</i> МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В РАБОТАХ П. БУРДЬЕ	11
<i>Шаяхметова Л.А.</i> ЛЖЕНАУКА: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД.....	31
РАЗДЕЛ 2. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК... 37	
<i>Парамонова С.П., Волков А.А.</i> ПРАВО НА ГОРОД (НА ПРИМЕРЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ)	37
<i>Шиишгин А.В., Миляева Д.Д.</i> МЕЖДУ РЕПРЕССИВНОСТЬЮ И ГУМАННОСТЬЮ: ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПЕРМСКИХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ.....	53
<i>Шаяхметова В.Р.</i> КАТЕГОРИЯ «СОВЕСТЬ» КАК ВЕДУЩАЯ ЦЕННОСТЬ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ А.С. МАКАРЕНКО	62
<i>Иванов А.С.</i> СМИ, ИСЛАМОФОБИЯ И ДЕТИ	69
<i>Рожнёва И.В.</i> ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....	80

РАЗДЕЛ 1. ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.7

DOI: 10.24412/2308-7226-2020-2-4-10

Краузе Александра Анатольевна
кандидат философских наук, доцент
заведующая кафедрой философии и общественных наук

*ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: krauze@pspu.ru*

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА «ИННОВАЦИЯ»

Alexandra A. Krauze
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Philosophy and Social Sciences

*FSBEI of HE 'Perm State Humanitarian Pedagogical University', Perm, Russia
614990, Perm, Sibirskaya, 24, e-mail: krauze@pspu.ru*

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE INNOVATION PHENOMENON

Аннотация. Рассматривается процесс инновации в контексте исторически сложившихся условий современного общества. С философских позиций дается объяснение феномену «инновация». Исследуются пересечения феномена инновации с культурой, деятельностью и субъектом, выделяются основные аспекты, раскрывающие природу и специфику инновации, а также содержание и перспективы ее формирования как социального дискурса.

Ключевые слова: инновация; традиция; субъект; общество.

Abstract. The article examines the process of innovation in the context of the historically prevailing conditions of modern society. An explanation of the phenomenon of innovation is given from a philosophical standpoint. The intersection of the phenomenon of innovation with culture, activity and subject is considered. The author identifies the main aspects that reveal the nature and specifics of "innovation", as well as the content and prospects of its formation as a social discourse.

Key words: innovation; tradition; subject; society.

Поиск идеи инновационного развития является поиском смысла социальных, культурных и глобальных изменений, последствия которых

затрагивают глубинные основания субъектного существования индивида. Тему инноваций можно отнести ко времени Гераклита, который дал вечный посыл динамического определения мира: все течет, все меняется, ничто не покоится [7]. Исторически идея инноваций рассматривалась как прогресс, где поиски ученых эпохи французского Просвещения и немецкой классической философии [2] были ориентированы на нахождение возможного универсального критерия прогресса, подходящего и для объяснения явлений природы, и для общественных процессов.

Более концептуальный подход к рассмотрению феномена инновации сложился к началу XX в., когда прогресс и стремление к непрерывному нововведению легли в основу идей модерна. XX в. сложился как эпоха веры в непогрешимость прогресса. Появились новые философские смыслы реальности, которые стали характеризоваться с позиций «вызов – ответ». Так, в работе Т. Куна «Структура научных революций» [3] появилась новая методологическая платформа для объяснения истории и развития научного знания, а позднее и социальных процессов с позиций вызовов времени. Введенный Куном феномен парадигмы, соразмерный понятию инновации, объединил принципы, методы, приемы и положения, принимаемые сообществом и позволяющие ему отвечать на вызовы времени. В рамках социокультурных тенденций эпохи модерна феномен инновации рассматривается в контексте приоритета социального и научно-технического прогресса, превосходства человека над природой, общества над индивидом, разума над чувствами. В конце XX в., несмотря на постмодернистский глобализм [9] и критику рационализма и прогресса, тема инноваций не просто набирает обороты, а становится передовой и центральной темой. Это вызвано тем, что наибольшую актуальность и востребованность приобретают коммуникативные компетенции и новые образы знаний, что, в свою очередь, влияет на социально-профессиональную структуру и форму общения субъектов. Глобальный полицентризм [5] с его принципами эклектичности, ориентацией на успех, а не на истину, инаковостью, различием, плюрализмом и агностичностью, когда ни одно значение не существует вне языка, является современным ответом на

неизменную стратегическую линию инновационного выбора. В данной стратегии определяется то, что инновация – выбор субъекта, в котором должно нивелироваться противоречие собственного субъектного и того, что находится вне субъекта и направлено на него. Из этого следует, что феномен инновации нельзя рассматривать сам по себе, вырванным из контекста не только темпорального фактора, но и субъекта. Феномен инновации всегда обусловлен культурой и деятельностью.

Рассмотрение инновации в контексте культуры дает нам два важных основания к пониманию природы и сущности инноваций. Во-первых, феномен инновации имеет относительную самостоятельность и приобретает законченную характеристику при пересечении с феноменом традиции. Во-вторых, феномены «традиция» и «инновация» входят в определение культуры, которая, в свою очередь, обуславливает содержание инновации, из чего и складывается его определение. Рассмотрим сам механизм перекрестного взаимодействия феноменов «традиция» и «инновация». Традиция выступает как совокупность устойчивых элементов культурного наследия, к которым относятся общественные установки, обычаи и обряды. По мнению Э.С. Маркаряна, традиция является тем механизмом, который обеспечивает преемственность и устойчивость сложившихся форм социокультурного бытия, является механизмом стереотипизации принимаемых группой инноваций [6]. Таким образом, традиция по отношению к инновации выполняет функцию обеспечения единства и целостности прошлого, настоящего и будущего. Она закрепляет ее в стереотипе общественного поведения и деятельности. Традиция воспроизводит предшествующие характеристики общества в новых исторических условиях, в то же время она должна допускать возможность модификаций транслируемого из прошлого опыта. Традиция при этом обеспечивает адаптацию инновации к непредвиденным многообразным условиям и ситуациям. Роль традиции такова, что она выступает как медиатор между прошлым, настоящим и будущим, закладывая основания не только стабильности и устойчивости социокультурной системы, но и преемственности, на фоне которой проходят смена технологий, типов идентификации

и интеграция социокультурного пространства, что можно охватить одним понятием – новшества.

Культура не может существовать без постоянного обновления своих форм и содержания. Процесс обновления культуры – это поиск инновационных путей развития, который следует рассматривать через призму субъектно-объектных отношений, в деятельностном подходе. Причинно-следственная связь здесь такова, что человек в своем действии выступает причиной изменений. Если в контексте культуры инновации рассматриваются как новшества, как что-то уникальное, то, чего не было ранее, то в рамках деятельностного подхода инновации видятся как процесс нововведений. С точки зрения деятельностного подхода анализ инноваций приобретает две стороны. С одной стороны, они могут рассматриваться как новшества, входящие в структуру деятельности, точно так же как цели, интересы и потребности. С другой стороны, они являются нововведениями, которые ведут к изменению самих способов, содержания и результатов деятельности. Таким образом, мы снова видим пересечение с феноменом традиции, поскольку, обеспечивая главную функцию – изменение, инновация в то же время обеспечивает включение изменений в реестр знаний и ценностей общества, что в конечном счете становится традицией.

Следует отметить, что содержательная сторона инновации всегда обусловлена действием субъективного фактора, который проявляется в системе субъект-субъектных отношений. Субъектность всегда играет особую роль. Ее определяет наличие представлений о собственных экономических, политических, культурных и иных интересах, своем месте в социальной структуре и политической организации общества, а также о возможностях и способах их преобразования. Несмотря на постмодернистские установки на индивидуализм, вызовы современного общества требуют субъекта действия, ориентированного на общность. В западной философии параллель феномену «общность» составляет феномен «интерсубъективность», который активно используется у Э. Левинаса [4], А. Рено [8], Б. Вальденфельса [1] и др.

Важным компонентом интерсубъективности является наличие осознания ценности чего-то общезначимого в совместной практике. Важность его обусловлена тем, что новые структуры производства требуют высокой степени ответственности перед обществом за управление сверхприродными, выходящими за грань естественного, технологиями. В ситуации, когда мерилom всему выступает результат, успех в реализации задуманного, а не формальные истины морали, феномен инновации может рассматриваться как мировоззренческая категория, которая не просто обеспечивает успех, а выступает как идея взаимной общественной ответственности и обязательств индивидов друг перед другом. Глобальные изменения мира требуют совокупных действий, которые не могут быть успешными без ценностей. На наш взгляд, правомерно рассматривать инновацию как ценностное содержание отношений субъектов социального действия и в то же время как продукт, результат их практики. Ценностное содержание инноваций в контексте субъектно-субъектных отношений касается проблем обеспечения жизненных циклов инноваций, влияния и последствий самих инноваций на субъекта, его мироощущение и жизнедеятельность.

Вопрос об обеспечении жизненного цикла инновации необходимо рассматривать отдельно на уровне новшеств и отдельно на уровне процесса нововведения. На уровне новшеств субъектно-субъектный подход к инновации апеллирует к понятиям «труд» и «творчество», результатами которых должны стать генерация самой идеи новшества и ее непосредственное воплощение в материальный объект. На уровне процесса внедрения новшества (нововведение) апеллирующими понятиями становятся «потребность», «интерес» и «ценность» и рассматриваются вопросы актуальности, востребованности и необходимости процесса изменения общества. Субъектно-субъектный подход позволяет также рассмотреть не менее важную составляющую инновационного развития, такую как внедрение, доведение до результата. Именно от субъективного фактора зависит, будут ли инновации полностью завершены, пройдут ли они весь жизненный цикл, станут элементом

культуры или останутся в запасе как единичный вариант. Очевидно, что поиск инновационных идей должен являться социальной повесткой всего общества, когда проекты и действия отдельных индивидов, социальных групп будут соотноситься с мировоззрением и запросами всех социальных групп общества. Инновации являются результатом работы, выстраиваемой по цепочке от субъекта к субъекту, от социальной группы к социальной группе, где одни видят вызовы и рефлексиируют запросы общества, другие ищут новые смыслы и методы их удовлетворения. На завершающем этапе предложенные парадигмы развития и методы всеми интериоризируются как ценности. В противном случае неизбежно негативное влияние инновационных процессов. В результате внедрения новшеств без аксиологического прогнозирования и подхода наблюдаются деформации социальной системы общества на уровне ее субъектов. Прежде всего, нововведения приводят к всплеску социальной мобильности, следствием которой является необходимость проводить реорганизацию социально-профессиональной структуры, потере ряда профессий в будущем, изменениям в сторону понижения социального статуса субъекта. Данный процесс ведет к потребности в новом типе личности, новых знаниях и компетенциях деятельности. С одной стороны, инновации существенно увеличивают возможности человека, структурируют существование человека сверх его потребностей. С другой стороны, данное многообразие бытия разрушает его целостность. Включенность индивида в современную парадигму инновационного развития переструктурирует его мировосприятие, способы деятельности, общения, досуга. Без опережающего аксиологического прогнозирования и включения аксиологических оснований в инновационную стратегию общества будут происходить вытеснение привычного человека и замена его характеристик на техногенные примеры. Крайне глобальный, утилитарно-технократический подход к обществу, который нередко воплощается в современных инновациях, выхолащивает его культурно-антропологическое основание, обесценивая качественное основание инновации и ее значение для современной общественной практики.

Список литературы

1. Вальденфельс Б. Мотив чужого. – Минск : Пропилеи, 1999. – 175 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VIII. Философия истории. – М., Л. : Соцэкгиз, 1935. – 468 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. – М, 1975. – С. 6–26.
4. Левинас Э. Гуманизм другого человека. – СПб. : Высш. религиоз.-филос. шк., 1998. – 264 с.
5. Лиотар Ж.Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании. – М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 159 с.
6. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). – М., 1983. – 172 с.
7. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. – 239 с.
8. Рено А. Эра индивида. – СПб., 2002. – 474 с.
9. Тойнби А. Постижение истории. – М. : Айрис-Пресс, 2008. – С. 521.

УДК 141.7

DOI: 10.24412/2308-7226-2020-2-11-30

Парамонова Светлана Павловна

доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии

*ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский
политехнический университет», Пермь Россия
614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, e-mail: spp45@mail.ru*

Мишарин Константин Дмитриевичбакалавр по направлению «Конструкторско-технологическое обеспечение
машиностроительных производств»

*ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский
политехнический университет», Пермь, Россия
614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, e-mail: misharinkd@mail.ru*

Тимербулатова Елизавета Фаизовна

бакалавр по направлению «Химическая технология»

*ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский
политехнический университет», Пермь, Россия
614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, e-mail: liza.timerbulatowa@mail.ru*

Шмыков Клим Евгеньевич

аспирант кафедры философии и общественных наук

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: klimsh1994@gmail*

**МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА
В РАБОТАХ П. БУРДЬЕ****Svetlana P. Paramonova**

doctor of Philosophy prof. kaf. sociology and political science

*FSBEI of HE 'Perm National Research Polytechnic University'
614990, Perm, Komsomolsky prospekt, 29, e-mail: spp45@mail.ru*

Konstantin D. Misharinbachelor in the direction of training Construction and technological
support in mechanical engineering

*FSBEI of HE 'Perm National Research Polytechnic University', Perm, Russia
614990, Perm, Komsomolsky prospekt, 29, e-mail: misharinkd@mail.ru*

Elizaveta F. Timerbulatova

bachelor in the direction of training Chemical-Technological

*FSBEI of HE 'Perm National Research Polytechnic University', Perm, Russia
614990, Perm, Komsomolsky prospekt, 29, e-mail: <liza.timerbulatowa@mail.ru>*

Klim E. Shmykov

postgraduate student

*FSBEI of HE 'Perm State Humanitarian Pedagogical University', Perm, Russia
614990, Perm, Sibirskaya, 24, e-mail: kliimsh1994@gmail.com*

METHODOLOGY OF PERSONAL AND SOCIETY ANALYSIS IN THE WORKS OF P. BURDIE

Аннотация. Методология анализа капитала П. Бурдьё представляет собой расширяющуюся спираль, открывающая его возможные виды и обозначения. Понятие капитала как накопления применяется не только к экономической сфере, оно может охватывать и символическую сторону общественной жизни. Для этого классик французской социологии вводит понятия: «поле» (включающий антропологический контекст), «габитус» (диспозиция), воспринятое от Гегеля, «актор», что впоследствии развернулось в нелинейную логику акторно-сетевой теории (АСТ). Экономическая антропология позволила под единым углом зрения рассмотреть отношения дара и ответного дара как на ранних этапах традиционного общества, так и в эпоху современного рынка, где немалую роль играет конвенциональное соглашение людей по поводу «игры социальных сил». Социология политики как одно из метаполей общества представлена взаимодействием габитусов личности и власти, не просто как соотношение господства и подчинения, но как универсальное взаимодействие с учетом иерархий.

Ключевые слова: структура – поведение – действие; социальное пространство: поля и практики; экономический, культурный и социальный капитал; социология политики; власть; габитус; коллективное бессознательное; рынок; символическое и прагматическое.

Abstract. P. Bourdieu's methodology of analysis presents an expanding spiral of problems indicated by the types of capital. The concept of capital, as accumulation, is applied not only to one, economic, sphere, but the concept of capital is introduced, covering the material and symbolic process of the life of society. For this, the classic of French sociology introduces the concept of a field, combining the anthropological aspect of research, introduces the concept of 'habitus' (disposition), perceived from Hegel, introduces the concept of 'actor', which

subsequently developed into the nonlinear logic of actor-network theory (ACT). Economic anthropology made it possible, from a unified angle, to consider the relationship of gift and return gift in the early stages of traditional society and to the market in modern conditions, as a conventional agreement of people in the accepted 'game of social forces'. Sociology of politics, as one of the metafields of society, is represented by the mutual influence of the habitus of personality and power, not just their relationship as domination and subordination, but universal interaction, taking into account hierarchies.

Key words: structure – behavior – action; social space: fields and practices; economic, cultural and social capital; sociology of politics; power; habit; collective unconscious; market; symbolic and pragmatic.

Пьеру Бурдьё в своей деятельности удалось соединить карьеру ученого-социолога и интеллектуала-практика так же, как «честолюбивому юноше» Юрию Шанибову на Северном Кавказе, прозванному аксакалами от науки «лидером Кабардино-Балкарской культурной революции». Будучи юристом, Шанибов защитил кандидатскую диссертацию по коллективности. Ведущей кафедрой по его защите была кафедра социологии и политологии ПГТУ в Перми. Портрет Ю. Шанибова, переданный Георгием Дерлугьяном, висел над креслом П. Бурдьё [6].

Творчество Бурдьё эволюционировало от философии к антропологии, а затем к социологии. Центральные идеи его теоретической концепции – социальное пространство, поле, культурный и социальный капитал, дар и рынок, габитус. Важное значение приобретают этическая сторона учения и стремление построить справедливое, основанное на республиканских ценностях общество.

Очевиден огромный вклад Бурдьё в понимание общества. Для Бурдьё характерно глубокое пренебрежение междисциплинарным делением, накладывающим ограничения на предмет исследования и на применяемые методы. В его исследованиях сочетаются подходы и приемы из области антропологии, истории, лингвистики, политических наук, философии, эстетики, которые он применяет к изучению таких разнообразных социологических объектов, как крестьянство, искусство, безработица, система образования, право, наука, литература, брачно-родственные союзы, классы, религия, политика, спорт, язык, жилище, интеллектуалы и государственная «верхушка» [3, с. 9].

Теория личности и общества Пьера Бурдьё строится вокруг трёх основных категорий: «поле», «капитал», «габитус» – и включает множество взаимосвязанных понятий, дающих возможность обращаться к анализу разнообразных социальных явлений. Зарождение и формирование этого подхода, названного генетическим структурализмом, следует рассматривать в контексте интеллектуальной и социальной ситуации во Франции. В социальных науках сначала безраздельно господствовала философия, а затем наибольший авторитет получила антропология. Несмотря на то что именно во Франции социология имела прочные академические традиции (в качестве учебного курса), в 1950-е она не получила должного развития и считалась непрестижной специализацией. Свой выбор в пользу социологии П. Бурдьё объясняет желанием не решать отвлеченные познавательные задачи, но анализировать реально существующее общество и его действительные проблемы средствами социальных наук.

Глубокое усвоение, разрыв и преодоление – вот основные механизмы, приведшие Пьера Бурдьё к формированию собственного «синтетического» направления, названного впоследствии генетическим структурализмом. «С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире, а не только в символике, языке, мифах и т. п. существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять и подавлять их практики и представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны – социальных структур и, в частности, того, что я называю полями или группами, и что обычно называют социальными классами» [1, с. 181–182].

Бурдьё в курсе лекций, почитанных в Коллеж де Франс, рассматривает государство как метаполе (создается на основе сочетаний социальных институтов разных типов и их взаимосвязи), создающее отдельные, более узкие поля. Каждое из этих полей по мере структурирования может тоже стать метаполем по отношению к еще более маленьким социальным полям.

Например, государство, как метаполе, создает другие поля: экономику, политику, духовную и социальные сферы, а те также создают еще более мелкие поля: типы торговых отношений, типы и устройства власти, разные виды образования и религии, разные социальные объекты с определенными социальными и общественными отношениями между людьми (школы, вузы, магазины, театры, музеи, предприятия и т. д.). Поле – это невидимая структура, которая определяет правила игры; это поле сил (ресурсов объективной реальности) и поле борьбы за трансформацию поля сил (конкуренция за обладание ресурсами, возможность преобразовать их и использовать их в обществе), в котором каждый из агентов применяет на практике ту силу, которой он в данном силовом отношении обладает.

В работе «Экономическая антропология» Бурдье смотрит на себя и на всю окружающую его реальность рефлексивно, то есть анализируя вещи, связи и свою позицию со стороны объекта. Он рассуждает о себе как субъекте объективации в рамках собственной области, говорит о представителях других дисциплин и о социологии как науке, критикующей себя и другие науки. То есть социология – рефлексивная и критикующая наука [5].

В каждом поле есть какие-то объекты или субъекты, имеющие в нем наибольшее влияние; наибольшей властью в научном поле производства обладают экономисты, которые представляют взгляды самого государства на экономику, хозяйствующие субъекты и на то, что им следует делать. Бурдье подчеркивает, что в деятельности экономистов есть недостатки: они идут по пути маргинализма, то есть ведут экономику по пути, который направлен к наибольшей выгоде. Тем самым они не смотрят рефлексивно и отстраненно на ситуацию и не видят того, что этих путей на самом деле нет, это иллюзия, выдуманная самими экономистами, их субъективное мнение, мировоззрение, но не реальность.

В экономическом поле есть особые субстраты, в данном случае это рынок, но экономисты все еще не придали ему какую-то концептуальную (конкретную, создающую образ) структуру и тем более не сделали из него

рациональную составляющую. Действительно, когда мы произносим слово «рынок», мы не можем представить какой-то конкретный образ, он обычно очень расплывчат и абстрактен: это могут быть ряды торговых лавок, магазинов, всемирная торговля, маленькие ларьки с товаром. У этого понятия нет также и границ, оно не конкретизировано.

Бурдые выделяет в качестве категории одну из главных составляющих экономического поля – *калькуляцию* (определение денежных затрат на производство единицы продукции). Сам социальный мир должен выразить готовность к ней, чтобы обнаружить условия, которые делают возможными калькуляцию и обмен по принципу «ты – мне, я – тебе», то есть формируют социальные механизмы одобрения этих операций. Бурдые в первых четырех лекциях обращается к антропологической теории дарообмена. По данной теории, сами дары появились как способ бескорыстного обмена по необходимости, а обмен осуществляется по установленным правилам и включает в себя *обязательства дарить, получать, возмещать*. Если бы не было объективных природных ресурсов, то дары бы не появились, но и если бы люди, используя свои субъективные представления о продукции, не видоизменили эти ресурсы, то даров тоже не было бы. Следовательно, можно говорить о диалектическом взаимодействии материального и идеального, так как наличие материальных объектов побуждает людей придумывать различные способы использования вещей, например, дерево и его свойства для постройки дома. Дар в конечном итоге является местом, в котором заметнее всего алхимия символического, то есть социальная работа... благодаря которой экономическое превращают в символическое, обмен материальными, исчислимыми благами превращают в нечто несводимое к рыночной стоимости предмета обмена [5, с. 25]. Наблюдая опыт обменов Кабилии (5 См. с. 25), Бурдые приводит поговорку «Берешь в долг яйцо, а отдаешь быка». Так Бурдые уже в работе «Экономическая антропология» развивает одну из своих главных тем – взаимное превращение разных видов капитала, среди которых собственно экономический капитал оказывается далеко не самым главным, а ключевое

значение приобретает скорее *символический капитал*, который можно легко обменять на другие его типы. То есть дарообмен перестает быть произвольным, капитал является уже не капиталом, а лишь одним из средств обмена. Все части экономики становятся символическими.

С поиском новых способов производства экономическое поле менялось на ментальном уровне, произошла «символическая революция», но экономисты о ней не знали, так как не смотрели на ситуацию рефлексивно. По словам Бурдьё, революция – это «коллективное расставание с экономикой дара». Революция также создает основания для легитимации «капиталистического духа» во всем пространстве социальной жизни. Личностный обмен она заменяет безличностным обменом. Только в нем возможны калькулируемые операции, ориентированные на выгоду. Самой символическостью этого процесса является власть представлений и классификации, символическость определяет и управляет структурой экономического обмена. Бурдьё отказывается от обособления символического и рассматривает не само общественное поле, а участников (людей) этого поля, он утверждает, что действия людей не являются автоматическими даже при воздействии очень сильных внешних предопределяющих факторов, ведь общество не развивалось бы исторически с непредсказуемыми моментами – «черными лебедями» [8], если бы все было механизировано и люди не имели бы своих воли и мнения. Экономика, как часть общества, является продуктом коллективной и индивидуальной истории, и здесь Бурдьё приводит мысль Лейбница о том, что нельзя найти два тождественных листа, невозможно найти и хотя бы две одинаковые личные траектории или два одинаковых пути развития двух независимых обществ. В своих лекциях Бурдьё, таким образом, проводит связь между антропологией и экономикой, а также другими сферами общества, указывает на влияние рефлексии и структурализма на конкретное общество. По его мнению, рефлексия нужна для более точного анализа данной ситуации и выявления каких-то «иллюзорных» представлений людей о мире и процессах в нем (см. описанный выше пример погони экономистов за выгодой), в чем и выражается проблема взаимосвязи человека и экономики.

Можно сделать вывод о том, что Бурдьё называет главной задачей курса выявление «непротиворечивых оснований экономического поведения», хотя сразу отказывается от лобовой критики экономики как самостоятельной дисциплины. Что касается дара, то можно сказать, что именно безвозмездный, произвольный и ничем не оправданный дар и является, по Бурдьё, «фундаментальным вызовом социологии». Бурдьё полагает: объяснить дар – значит объяснить жизненный опыт дара как чего-то безвозмездного, дара без возврата, и одновременно предполагающего ответный дар, отложенный во времени. Таким образом, именно дар становится базовой структурой и структурой обмена, которая развивается именно благодаря дару. Для Бурдьё рынок в конечном итоге оказывается «социальным артефактом, созданным в значительной мере государством для конкуренции между производителями», то есть тем самым полем борьбы за трансформацию поля сил [5].

Бурдьё постоянно напоминает о том, насколько сложно отказаться от мышления и рациональности в привычных для капиталистического мира категориях, поскольку ментальные структуры, используемые для понимания логики того или иного поля (не только экономического, но и художественного, религиозного и др.), сами являются продуктом неких символических революций, радикальных трансформаций, иллюзиями, которые были придуманы в обществе и которые искажают восприятие людьми объективной реальности, то есть люди сами создали себе условия, когда они не могут рефлексивно проанализировать ситуацию. Сама идея субъективности является социальным продуктом.

Рассмотрим категориальный аппарат *социологии политики*, выдвинутый Пьером Бурдьё. Важно отметить, что Бурдьё всегда был решительно против идентификации его взглядов на общество и социальный мир в целом, как «теории». Он подчеркивал, что его работы направлены не на анализ существующих понятий или нового категориального аппарата, но на изучение действительных социальных явлений с помощью определенных социологических «инструментов». Все основные понятия его концепции: *поле*, *агент*, *габитус*, *капитал*, *власть*, – а также логика и методология работы раскрываются социологическим исследованием в самой жизненной практике.

Бурдьё в работах, касающихся анализа политики, не оценивает сиюминутную расстановку политических сил, он предлагает социологический инструмент анализа политики как специфической социальной реальности. Он изучает сам механизм формирования политических партий и политических мнений; рассматривает специфические принципы распределения в поле политики доминирующих и доминируемых позиций власти, а также механизмы легитимного насилия и навязывание определенного видения распределения политических сил. *Объектом* социологии политики Пьера Бурдьё является *поле политики*, а *предметом* – механизм формирования политических представлений и мнений, распределения власти, позиций и политических сил [4].

Для понимания теории полей и всей концепции французского социолога важно рассмотреть видение Бурдьё социальной действительности в целом. Рассуждая о социальном пространстве, Бурдьё решительно отвергает господствующие в его время интеллектуальные традиции в социологии. Марксизм, структурализм и конструктивизм, объективизм и субъективизм, реализм и номинализм – он не принимает ни одно из этих течений. Одни традиции осуждает за то, что на передний план выдвигают индивида и умалчивают о социальных отношениях между индивидами, другие – за то, что акцентируют внимание на отношениях в ущерб реальным людям. Главной задачей своих работ он видел преодоление оппозиции объективизма и субъективизма: «...оба подхода – объективистский и субъективистский – находятся в диалектической связи... даже если субъективистский подход, когда его берут изолированно, кажется очень близким интеракционизму или этнометодологии, он отделен от них радикальным отличием: точки зрения фиксируются как таковые и соотносятся с позициями соответствующих агентов в структуре» [1, с. 184–185]. Хотя свой подход Бурдьё никак не квалифицирует, не относит к существующим традициям в социологии, его можно назвать интегралистским [7, с. 25].

Социология, по мнению Бурдьё, представляет собой социальную топологию. Идею топологии Бурдьё взял из физики; социальная топология –

наиболее продвинутой геометрической парадигма, принятая физиками в конце XX в. Топология – раздел математики, изучающий топологические свойства фигур, то есть свойства, не изменяющиеся при любых деформациях, производимых без разрывов и склеиваний. Топологическое пространство – множество элементов любой природы, в котором тем или иным способом определены предельные отношения. Из топологической теории размерности следует, что размерность пространства задается размерностью порождающего его элемента.

Люди как биологические индивиды и социальные агенты выступают порождающим элементом в топологии Бурдье. Они перемещаются в физическом пространстве, сталкиваются, притягиваются и совершают прочие физические действия. Как биологические существа люди размещаются в физическом пространстве, занимая определенные места. «Занимаемое место может быть определено как площадь, поверхность и объем, который занимает агент или предмет, его размеры или, еще лучше, его габариты (как иногда говорят о машине или о мебели)» [4, с. 33]. Это место можно определить абсолютно: как ту пространственную точку, где в данный момент располагается агент или предмет, где он локализован. Относительное же место, занимаемое агентом, можно определить как позицию или ранг в социальной иерархии.

Бурдье вводит понятие *агента* в противоположность понятиям субъекта и индивида, чтобы отойти от структуралистского и феноменологического подходов к изучению социальной реальности. Он подчеркивает, что понятие «субъект» используется в широко распространенных представлениях о «моделях», «структурах», «правилах», когда исследователь как бы встает на объективистскую точку зрения, видя в субъекте марионетку, которой управляет структура, и лишает его собственной активности. В этом случае субъект рассматривается как тот, кто реализует сознательную целенаправленную практику, подчиняясь определенному правилу. Агенты же у Бурдье не являются автоматами, отлаженными как часы в соответствии с законами

механики, которые им неведомы [4]. Агенты осуществляют стратегии – своеобразные системы практики, движимые целью, но не направляемые сознательно этой целью. Практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире; практика представляет собой изменение социального мира, производимое агентом. Социология Пьера Бурдьё смещена в сторону социальных агентов. По его мнению, человеческие существа являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами. Являясь существом природным, человек обладает телом, потребностями, мотивацией и множеством иных свойств. Но Бурдьё нигде обстоятельно не анализирует инстинктивное поведение, потребности и мотивацию, сходство между человеком и животными. Он анализирует социальную составляющую человеческого существа.

Способность агентов спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и более или менее адекватно реагировать на события и ситуации, складывающаяся в результате огромной работы по образованию и воспитанию в процессе социализации, кристаллизуется в определенный, соответствующий социальным условиям становления индивида тип *габитуса*. *Габитус* – одно из главных понятий концепции Бурдьё. Социальное пространство структурируется объективно – существующими социальными отношениями и субъективно – представлениями людей об окружающем мире. Люди, понимаемые как агенты социального процесса, производят практики и через них влияют на изменение социальной структуры. *Габитус* порождает и структурирует практику агентов, их представления. Таким образом, Пьер Бурдьё определяет *габитус* как систему устойчивых и переносимых диспозиции [4]. Диспозиции – это склонности воспринимать, чувствовать, поступать и мыслить определенным образом, чаще всего бессознательно усвоенные каждым индивидом вследствие объективных условий его существования. Эти диспозиции устойчивы, переносимы и образуют систему, поскольку стремятся объединиться. В *габитусе* воплощены способы оценивания и мышления, эстетический вкус, манера поведения и речи, характерный стиль

и образ жизни, которые отличают представителя одного класса, одной профессии, национальности от других.

Возвращаясь к рассмотрению политической социологии Пьера Бурдьё, анализу ее категориального аппарата, следует обратиться к одному из ключевых понятий концепции – понятию *поля*. Социальное пространство, по Бурдьё, представляет собой ансамбль разного типа полей, в том числе политических, религиозных, экономических, этнических, которые живут по собственным законам. Таким образом, Бурдьё трактует пространство как поле сил, точнее, как совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в него и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов, равно как и к их взаимодействию.

Категория поля обозначает специфическую систему объективных связей между различными позициями, находящимися в альянсе или конфликте, в конкуренции или кооперации. Бурдьё называет поля «автономными универсумами», своего рода «игровыми площадками», на каждой из которых игры ведутся по своим особым правилам. Ставка игры – общая для всех полей – претензия на навязывание легитимного видения социального мира, принципов восприятия, оценивания, выражения и деления социального мира. Агенты, действующие в поле, наделены постоянными диспозициями, усвоенными за время нахождения в нем. Однако позиции агентов должны рассматриваться только во взаимных отношениях. Принцип относительности – важнейший для понимания теории полей и всей концепции Пьера Бурдьё. Агенты определяются через занимаемые ими в поле позиции, отличающиеся друг от друга сочетанием объективированных в них капиталов и, как следствие, специфической властью и влиянием, получаемой материальной и символической прибылью, ценой, которую надо заплатить, чтобы их занять. Поля прежде всего специфичны, в них происходят игры с призами и ставками совершенно различной природы. С другой стороны, поля гомологичны, т. е. структурно подобны: в каждом поле происходит борьба за обладание специфической формой капитала между доминирующими и подчиненными группами (классами).

Таким образом, формирование понятия «поле» обусловлено тем, что совокупность всех социальных отношений не есть нечто однородное – оно обладает определенной структурой.

Поле политики у Бурдьё – это не что-то статичное, неизменное, объективно нам данное и не зависящее от нас, а то, что постоянно формируется и воспроизводится с помощью политической практики; это и условие, и результат практики. Социолог рассматривает поле политики как рынок, в котором существует производство, спрос и предложение. Это место, где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, производится политическая продукция – партии, программы, мнения, позиции, концепции, события и комментарии. При рассмотрении политического поля в логике спроса и предложения обычные граждане предстают в положении потребителя. Риск ошибиться и выбрать некачественный «товар» тем больше, чем дальше человек находится от места производства.

Становление государственной монополии на легитимное физическое и символическое насилие приводит к образованию поля политики – пространства борьбы за монопольное обладание выгодами, связанными с этой монополией. Борьба политических сил в рамках анализируемого поля – нормальный процесс в демократическом обществе. В центре внимания политиков и политических группировок – электорат. Отсюда цель борьбы в политическом поле – борьба за голоса избирателей – мобилизация активного электората и привлечение пассивного. Для достижения успеха в этой борьбе противостоящие друг другу стороны используют различные методы воздействия на тех, за кем остается право окончательного выбора.

Пьер Бурдьё отмечает такую особенность политического поля, как обладание *высокой степенью рефракции*, то есть способностью переформулировать любую социальную или экономическую проблему в специфически политических терминах. Так, поле политики сплошь и рядом подчиняет логику и проблематику социологических исследований политической логике и ставит, таким образом, социальные науки себе на службу.

Рассмотрение природы различных благ, которые индивиды ставят на карту в борьбе за занятие определенной позиции в поле, привело Бурдье к выводу, что за всем богатством скрываются различные категории капиталов. Таким образом, согласно Бурдье, существует не один капитал, на чем настаивали Маркс и «марксисты», а множество капиталов. Так, нам предлагается многомерное видение социального пространства, состоящее из множества автономных полей, каждое из которых определяет специфические способы доминирования. Композиция видов капитала и определяет соотношение сил между социальными агентами в каждом субполе в определенный момент. *Капитал* – важная категория в социологической концепции Пьера Бурдье. От начального капитала зависит способность агента господствовать в присвоенном (овеществленном) пространстве. Бурдье выделяет такие виды капитала: экономический, культурный, социальный и символический. *Экономический* капитал – это обладание материальными благами, к которым можно отнести деньги, помогающие занять преимущественное место в поле, а также любой товар в широком понимании этого слова. *Культурный* капитал – образование (общее, профессиональное, специальное) и соответствующий диплом, а также тот культурный уровень индивида, который ему достался от семьи и усвоен в процессе социализации. *Социальный* капитал – ресурсы, связанные с принадлежностью к группе: сеть мобилизующих связей, которыми нельзя воспользоваться иначе, как посредством группы, обладающей властью и способностью оказать «услугу за услугу» (семья, друзья, церковь, ассоциация, спортивный или культурный клуб и т. п.). *Символический* капитал – разновидность социального, связанная с обладанием авторитетом, репутацией; это капитал признания группой равных и внешними инстанциями (публикой). Символический капитал – это престиж, имя и т. п. Распределение капиталов между агентами проявляется как распределение власти и влияния в этом пространстве. Каждый вид капитала распознается набором общественно значимых (или легитимированных) признаков. Для экономической собственности этот признак – документ,

подтверждающий право владения, для культурной – диплом или ученое звание, для социального капитала – дворянский титул [2]. Следует отметить, что обозначенные виды капиталов являются не только ставками в игре, выигрышем, но и условиями вхождения в саму игру.

Специфические знания и навыки, признанный статус, связи – это те виды капитала, которыми должен располагать агент для того, чтобы производить политическую стратегию, представлять себя в политическом действии. *Политическая стратегия* – это реализация необходимости, присущей политической ситуации, она не является результатом сознательного стремления на основе знания. Она определяется внешними обстоятельствами и требованиями конкретной ситуации.

Понятие *власти* как одной из основных категорий политической социологии раскрывается Бурдьё следующим образом. В его концепции власть не столько имеет политический смысл, сколько определяется мерой владения капиталом. Она дает возможность одним социальным агентам влиять на других помимо воли и желания последних. Подобное происходит практически в каждой области общественной жизни: богатые влияют на бедных, образованные – на необразованных. Символический, или интеллектуальный, капитал, который вводит в свою концепцию Бурдьё, описывает уникальную ситуацию, при которой бедный, но образованный может повлиять на богатого, но некомпетентного в качестве его советника, священника или судьи, например. У Бурдьё власть денег и власть знаний эквивалентны по своим возможностям, а то, на чьей стороне будет победа, зависит от конкретного общества и проходимой им стадии развития.

Видами власти в поле политики являются активные характеристики агентов, их способность действовать эффективно. Каждая политическая позиция описывается специфическими сочетаниями этих характеристик, определена отношениями с другими позициями. Место, где соединяются различные поля и капиталы, Бурдьё называет *полем власти*. Это та точка, в которой сталкиваются агенты, занимающие доминирующее положение

в различных полях, это поле борьбы за власть между обладателями различных форм власти [4]. Все в поле политики: позиции, агенты, институты, программные заявления, комментарии – может быть понято исключительно через *соотношение, сравнение и противопоставление*.

Таким образом, социология политики Пьера Бурдьё, как специальная социологическая теория, имеет свой объект исследования – поле политики, свой предмет – механизм формирования политических представлений и мнений, распределения власти, позиций и политических сил. В рамках концепции выработан специфический понятийно-категориальный аппарат, включающий понятия *агента, поля, габитуса, власти и капитала*.

Проведем социально-философский анализ понятий «габитус» и «культурное поле». В постиндустриальном обществе практики обуславливаются социальной структурой и субъектностью, тем самым расширяется содержание и поле практик. П. Бурдьё отмечает, что практики являются осуществлением социальных структур, которые включают в себя социальное поле, культурный капитал и габитус – диспозиции личности. В объяснении социальных процессов данный конструкт практики направлен на обеспечение взаимодействия «рационального – иррационального», «объективного – субъективного», «коллективного – индивидуального» и «старого – нового». Следует подчеркнуть, что Бурдьё не отбрасывает Марксов деятельностный подход к миру: «Практическое отношение с миром, – это «занимательное» и вместе с тем деятельное присутствие в мире» [3, с. 102]. Базовым основанием практики является габитус. Как отмечал сам Бурдьё, он воспринял этот термин от Гегеля. Основу габитуса составляют «системы устойчивых и переносимых диспозиций, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики» [3, с. 108]. Габитус формируется в процессе социокультурной практики на протяжении всей жизни субъектов, в нем отражаются половозрастные и классовые особенности. «Являясь продуктом истории, габитус воспроизводит практики как индивидуальные, так и коллективные» [3, с. 105]. Габитус обеспечивает активное присутствие

прошлого опыта в форме схем, восприятия, мышления и действия, что дает гарантию взаимодействия и стабильности практик во времени. Наличие диспозиций в габитусе обеспечивает проникновение прошлого в настоящее и стремление продолжаться в будущем. Габитус обеспечивает бесконечные варианты практик, обусловленные некими ситуациям, мотивами, потребностями, т. е. так называемыми субъективными устремлениями. «Габитус – спонтанность, не обладающая сознанием и волей, одинаково противопоставляет себя как механической необходимости, так и рефлексивной свободе и субъектам, «лишенным инерции» в рационалистических теориях» [3, с. 110]. В данном контексте габитус можно интерпретировать как бессознательное позволяющее экономить опыт, практики, связи. При необходимых условиях габитус воспроизводит все необходимое из прошлого, продуктом которого является сам. В данном статусе он обеспечивает практикам необходимое основание для реализации в настоящем. Габитус, основанный на прошлых условиях, образует ситуацию устойчивости и стабильности, которая сталкивается с настоящей и будущей неопределенностью. В некотором смысле габитус можно сравнить с феноменом архетипа Карла Юнга, берущим свое начало в коллективном бессознательном.

Наличие габитуса придает субъекту практики уверенность в своих социальных действиях, оптимизирует цели и задачи, а также результат деятельности практики субъекта, т. е. если прошлые практики осуществлялись относительно стабильно, то и настоящие, и будущие обречены на получение ожидаемого результата. В этом конструкте субъект приобретает форму социального капитала, практика выступает как онтологическое основание. Существовать – значит осуществлять практики. Если в промышленной практике действия субъекта полностью детерминированы технологическими требованиями, то постиндустриальная практика находится вне рамок и ограничений. Она ориентирована не столько на результат труда – материальный продукт, как промышленная практика, сколько на реализацию социального поведения субъекта, обусловлена мотивом, интересом, эмоциональным фоном. В то же время степень субъективизации социализации субъекта в практике обусловлена

внешней необходимостью, закономерностью социальных процессов, объективным приспособлением к тому или иному полю (экономическому, политическому и культурному). Поле понимается П. Бурдьё как сеть отношений, которые не зависят от субъекта. Структура поля направляет стратегию субъекта, которая может проявляться в осознаваемой или неосознаваемой форме. В постиндустриальном обществе культура переходит в контекст культурного поля, поскольку технологический аспект теряет свою доминирующую роль в общественной жизни. К. Марксом и его последователями культура рассматривалась и рассматривается с точки зрения деятельностного подхода, где в основе культуры лежат производительные силы и производственные отношения, субъект воспринимается как абстракт производства и сама культура приобретает технологический характер. В эпоху модерна и постмодерна XXI в. данный подход претерпевает определенные трансформации. К структурированию культуры подключаются семиотические, психоаналитические, экзистенциально-герменевтические основания. Содержание культуры раскрывается через язык, литературу, миф, религию, науку и власть. Структурно-семиотический подход за основание культуры принимает знание, информацию, смысл, значение, текст, символы, которые являются формами коммуникаций. Функция культуры в этом подходе определяется как накопление, хранение и передача социально-исторического опыта человека.

Снять оппозиции объективизма и субъективного подхода в объяснении капиталистического общества в концепции К. Маркса и М. Вебера способна теория поля П. Бурдьё. Во-первых, она включает множество полей: поле жилья односемейных квартир, поле культуры, искусства, телевидения и журналистики, поле вкусов, моды, стилей (питания, образов жизни), поле образования, поле политики. Поля сформированы тогда, когда они контролируются государством.

П. Бурдьё обобщил работы М. Мосса и К. Леви-Стросса, при собственном эмпирическом включенном наблюдении. Это дало основание ему полагать, что дар – вступление в отношения обменов; чем богаче дар, тем больше актер делает охват социальных отношений. Те, кто занят в сфере искусства, ближе в отношениях к отношениям по типу дара.

Если Вебер считает, что рынок включает множество акций, говорит о рынке, как Лейбниц о Боге, то Мосс отмечает, что рынок – изобретение людей. Бурдьё после изучения современного рынка в библиотеках США отмечал, что следует разделять рыночников-практиков и рыночников-теоретиков. Рынок предполагает живую связь индивидов. Рыночники-теоретики не учитывают роль государства. Кредит – изобретения (конвенции) людей. При анализе рынка Бурдьё приходит к выводу, что в самом индивидуализме заложены социальные установки общества. В «Экономической социологии» П. Бурдьё показывает, что рынок – это спрут-система, где все подогнано: банки, крупные фирмы, социальная инфраструктура, законы, просчитана перспектива всей предстоящей зарплаты для получения ипотечного кредитования. Рынок является социальным артефактом, созданным государством для конкуренции между производителями. Сама конкуренция идет за власть над клиентом. Две системы взаимоотношений: «дар» и «рынок» – выступают как тип культурного поля и тип управления.

Поле – это место имманентных тенденций к воспроизводству структуры. Грубо говоря, поле – это ситуации, габитус – это предрасположенности (диспозиции). У поля есть структура. Механизмы обеспечивают воспроизводство структуры к сохранению, к упорству в бытии. Поле понимается П. Бурдьё как сеть отношений, которые не зависят от субъекта. Структура поля направляет стратегию субъекта, которая может проявляться в осознаваемой или неосознаваемой форме. Социология политики Бурдьё представляет собой самостоятельную социологическую дисциплину, в рамках которой изучается поле политики с позиций знаковой системы формирования политических представлений и мнений, распределения власти, самоопределения позиций и политических сил личностью и обществом. Поле власти – это та точка, в которой сталкиваются агенты, занимающие доминирующее положение в различных полях, это поле борьбы за власть между обладателями различных форм власти [4]. Используя специфический подход к изучению власти, Бурдьё открыл и сформулировал закономерности

развития явлений и процессов, присущих полю политики. Концепции личности и общества П. Бурдьё характеризуются широкими междисциплинарными связями с другими отраслями обществознания и другими науками, его видение сочетает подходы и приемы из области антропологии, истории, лингвистики, философии, эстетики и политических наук.

Список литературы

1. Бурдьё П. Начала / пер. с фр. Н.Л. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1994. – 287 с.
2. Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнारेвой; предисл. А. Бикбова. – М. : Дело РАНГХи ГС, 2016. – 720 с.
3. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко ; отв. ред. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб. : Алетейя ; М. : Ин-т эксперимент. социологии, 2001. – 562 с. – («Gallicinium»).
4. Бурдьё П. Социология политики. – М. : Socio-Logos, 1993. – 333 с.
5. Бурдьё П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993) / под ред. П. Шампаня, Ж. Дюваля при участии Ф. Пупо, М.-К. Ривьер ; послесл. Р. Буайе ; пер. с фр. Д. Кралечкина. – М. : Дело РАНХ и ГС, 2019. – 416 с.
6. Дерлугьян Г. Адепт Бурдьё на Кавказе. Эскизы к биографии в мироисторической перспективе. – М. : Территория будущего. – 2010.
7. Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология : в 15 т. Т. 5: Социальная структура. – М. : Инфра-М., 2004. – 1096 с.
8. Талёб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / пер. с англ. М. Костионовой, А. Бердичевского, В. Сонькина, О. Попова. – М. : КоЛибри. – 2020. – 736 с.

УДК 101.6

DOI: 10.24412/2308-7226-2020-2-31-36

Шаяхметова Линара Айратовна

ст. преподаватель кафедры философии и общественных наук

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия**614990, Пермь, Сибирская, 24, (342) 238-63-44, e-mail: LinaraShai@mail.ru***ЛЖЕНАУКА: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД****Linara A. Shayakhmetova**

teacher of the Chair of Philosophy and Social Sciences

*FSBEI of HE 'Perm State Humanitarian Pedagogical University', Perm, Russia
614990, Perm, Sibirskaya, 24, (342) 238-63-44, e-mail: LinaraShai@mail.ru***PSEUDOSCIENCE: PHILOSOPHICAL ASPECT**

Аннотация. Статья посвящена проблеме философского осмысления лженаучной практики в XXI в. Кратко излагаются онтологические и эпистемологические основания существования лженаучного знания. Они в своем существе являются основой успеха лженаучной практики. Предпринимается попытка ответить на вопрос: нужно ли бороться с лженаукой? И если да, то как?

Ключевые слова: лженаука; популяризация науки; философия науки; дениализм.

Abstract. The article is devoted to the problem of philosophical understanding of pseudoscientific practice in the 21st century. The author summarizes the ontological and epistemological foundations of the existence of pseudoscientific knowledge. In their essence, they are the basis for the success of pseudoscientific practice. Is it trying to answer the question: whether it is necessary to fight against pseudoscience? And if so, how?

Key words: pseudoscience; popularization of science; philosophy of science; denialism.

Лженаука все больше и больше входит в практику обыденной жизни. И сложно найти человека, который бы с ней не сталкивался. Она привлекает своей «волшебностью» и «магичностью». Но при этом сулит крушение всех надежд общества. По лаконичному определению Аси Казанцевой, «лженаука –

это знание, мимикрирующее под научное, но по факту таковым не являющееся» [2].

Среди многих таких знаний большой популярностью пользуются астрология, нумерология, уфология, гомеопатия. К сожалению, несмотря на свою внешнюю безобидность, они создают кризисную ситуацию в научном знании, привлекая на свою сторону обывателей, которые с удовольствием отдают деньги астрологам, гомеопатам, уфологам, нумерологам. В обществе формируется искаженное представление об окружающем мире. Заблуждение становится социальной нормой.

Привлекательность лженаучного знания обусловлена его экзистенциальной сущностью. Смысл бытия для многих обнаруживается если не в религиозном, то, по крайней мере, в околорелигиозном решении. Страх перед смертью, желание верить в исключительность человеческой сущности, трансцендентную связь человека и космических тел, возможность наличия памяти у неорганических химических соединений – основа для процветания лженаук. Чаще всего человек обращается к лженаучной практике, находясь в ситуации экзистенциального кризиса (проблема жизни и смерти, сложноизлечимая болезнь, потеря близких, поиск любви и своего места в жизни) [3]. Решения, которые предлагает лженаука, кажутся эффективными и простыми. Чаще всего ответственность в этой ситуации с искателя снимается, ведь он полагается на более «продвинутые» силы: авторитет звезд, мнение хиромантов и т. п.

Эпистемологическая опора лженауки кроется в самокритичной сущности научного знания: поиск истины требует постоянной отмены старой истины и вечного поиска новой. Принципы фальсификации и верификации сыграли злую шутку с научным знанием, тогда как лженаучное не имеет внутри себя каких-либо сомнений, тем самым становясь еще привлекательнее для обывателя. Научное знание требует больших интеллектуальных, временных и экономических затрат. Человек же хочет получить решение его проблемы «здесь и сейчас» и желательнее на самых выгодных условиях. Лженаука

удовлетворяет данную потребность людей, «дает ответы на все вопросы», «лечит» болезни, пути борьбы с которыми исследуются на протяжении долгого времени. Такую особенность лженаучного знания мы обозначим термином «эпистемологически пустая простота». Эпистемологически пустая простота – форма знания, упрощенная до уровня обывателя, наделенная выходящими за рамки научного знания свойствами, характеристиками сверхъестественного или ложнообъяснимого.

Как ни странно, сущность лженауки интеллигибельна, так как в практике обыденности лженаучное знание постигается умом и разумом, но здесь и возникает обман: человек, думая, что принял знание, в сущности, воспринимает информацию на веру, недостаток знаний и скудность критического мышления здесь всему виной. Интеллигибельность лженауки связана с культурным контекстом получения знания, здесь большую роль играют макрофакторы социализации человека и его культурная идентификация. Общественный разум находится на ступени «средневекового понимания мира». Да, мы умеем пользоваться ноутбуком и телефоном, но при этом сохраняются суеверия, возвращенные в нас с детства. Массовая культура переполнена лженаучным содержанием. Астрологи и уринотерапевты на федеральных каналах, битвы экстрасенсов, прямые линии с гадалками – все это создает среду для культурной адаптации лженаучного знания. Кроме того, интеллигибельность лженауки в большой степени связана с культурой кризиса. Лженаучные практики становятся более распространенными в переходные периоды истории, когда усталость от экономических и социальных проблем переключает внимание общества на «чудо», которое ему «дарит» лженаука [3]. Это и кризисы военных времен, и кризис распада СССР, и постсоветский кризис. Все это приводит к формированию дениализма, отрицания реальности, противоречащей личным убеждениям человека. В России мы все чаще встречаем сторонников псевдонаучной организации «Общество плоской Земли», криптоисториков, ВИЧ-диссидентов, антипрививочников, а теперь и covid-диссидентов.

Постмодернистская парадигма альтернативности пути ставит закономерный вопрос относительно лженаучного знания: «А почему бы и нет?» Для общества одновременное существование наук и лженаук становится нормой. Более того, многие лженаучные факты люди начинают объяснять, прибегая к научным знаниям. По данным астрофизика В. Сурдина, многие, например, не видят разницы между астрономией и астрологией [6]. Пути науки и лженауки пересекаются, еще больше запутывая общество. Нумерология становится частью математики, а хиромантия может иметь эволюционное доказательство.

В связи с явной опасностью лженауки для общества возникает вопрос о необходимости борьбы с ней. Есть мнение, что эта борьба не нужна и бесполезна, а в какой-то мере даже опасна, ведь в истории имеются примеры, когда научное знание выдавалось за лженаучное, тем самым вводя общество в заблуждение (например, преследование генетики и кибернетики в советский период российской истории). Нужно заметить, что подобная ситуация в целом не опасна для научного мира, так как основной принцип присвоения статуса лженауки в данном случае – политический. В конце концов, данные направления показали свою состоятельность и эффективность, что неизменно привело к ускорению научного прогресса.

Адекватный путь поведения для научного сообщества в данной ситуации – это, бесспорно, популяризация научного знания, в некоторых случаях не исключаются методы использования популярного контента: сериалов, музыки, лекций для всех, публичных встреч с учеными. Среди первых нужно отдать должное сериалам «Теория большого взрыва», «Рик и Морти», «Орвилл». Они возносят науку на высокий уровень популярности, вызывают неподдельный интерес к ней. Во многом это связано с пересечением науки и «жизненного мира» в сюжетах. Например, в сериале «Теория большого взрыва» мы можем видеть реальных современных ученых-физиков: Стивена Хоккинга, Типа Торна, которые попадают в жизненные ситуации. В тексты сериала вставляются простые объяснения сложных физических понятий, в них

отмечаются важнейшие концепции физики, такие как теория струн, квантовая теория, асимметрия и др. Сериал «Орвилл» – футуристический взгляд на то, что будет, если науке уделят должное внимание. Герои живут именно в таком мире, где найден источник долгосрочной энергии, который исключил любые товарно-денежные отношения, и теперь главная ценность – это знания и личность самого человека. Кроме того, в сериале прослеживается критика лженаучного знания. В одной из серий была представлена планета, жители которой, несмотря на свои научные достижения, всерьез воспринимают астрологию и выстраивают государственную жизнь, исходя из астрологических знаний, что приводит к делению общества на люмпенов и элиту – в соответствии с их зодиакальным статусом.

В сериале «Рик и Морти» показана одна из интереснейших физических идей – теория мультивселенной. Главный герой сериала Рик, как и большая часть научного мира, не допускает обратимости времени и возможности хронотопных путешествий.

В российском обществе нишу борьбы с лженаукой занимает просветительский центр «Архэ». На базе центра проводятся конференции «Ученые против мифов», центр помогает российским ученым открыть новые грани науки для всех. Многие для этой сферы сделали такие специалисты, как биологи С.В. Дробышевский, А.Ю. Панчин, А.М. Марков [4], астрофизик В.Г. Сурдин, научные журналисты А.Б. Соколов, А.А. Казанцева и др. Востребованы публичные лекции, которые они читают по всей стране, для любой аудитории. Книги авторов центра «Архэ» становятся необходимостью для всех людей, интересующихся наукой. Преимущество таких форм популяризации науки – охват аудитории и доступность информации.

На более представительском уровне нужно выделить комиссию по борьбе с лженаукой, которая своей миссией считает пропаганду научных знаний, противодействие лженаучной деятельности и дискредитации научных знаний. Например, благодаря деятельности этой комиссии дерматоглифика и гомеопатия были признаны лженауками [5], был разоблачен проект «Фильтры Петрика» [1].

Следует отметить, что лженаука не теряет своих позиций: в силу ее философской сущности эпистемологические и онтологические основания лженауки дают ей возможность успешно развиваться. Даже в периоды относительно стабильного благополучия лженаучное знание присутствует имплицитно.

Лженауку можно рассматривать наравне с религией. Всегда будут люди с религиозным мировоззрением, так же как и люди, «верующие» в лженауку. Лженаука делает их жизнь интереснее.

Антагонизм лженаучного и научного знания еще больше закрепляет самокритичное основание науки и дает ей возможность развиваться, создавая среду для самосовершенствования. Ученый мир становится гибким, способным к самопереосмыслению.

Лженаука показывает слабые звенья в научном познании, однако заполняет их собственной эпистемологически простой пустотой, поэтому ее деструкция все же необходима. Успешная борьба с лженаукой возможна лишь при помощи популяризации науки и формирования критического мышления каждого человека с детства.

Список литературы

1. Александров Е.Б. О проекте В.И. Петрика «Абсолютная метка» // В защиту науки. – 2011. – № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/digest/fdigestlist/bulletin.aspx> (дата обращения: 01.10. 2020).
2. Казанцева А.А. В интернете кто-то неправ! Научные исследования спорных вопросов. – М. : АСТ; Corpus, 2016. – 376 с.
3. Клейн Л.Д. Рациональный взгляд на успехи // В защиту науки. – 2011. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/digest/fdigestlist/bulletin.aspx> (дата обращения: 01.10. 2020).
4. Марков А.М. Популяризация науки – необходимое условие выживания человечества // В защиту науки. – 2011. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/digest/fdigestlist/bulletin.aspx> (дата обращения: 01.10. 2020).
5. Меморандум № 2 Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. О лженаучности гомеопатии // В защиту науки. – 2017. – № 19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/digest/fdigestlist/bulletin.aspx> (дата обращения: 01.10. 2020).
6. Сурдин В.Г. Почему астрология лженаука? // Наука и жизнь. – 2020. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nkj.ru/archive/articles/5374/> (дата обращения: 11.10.2020).

РАЗДЕЛ 2. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 34:165

DOI: 10.24412/2308-7226-2020-2-37-52

Парамонова Светлана Павловна

доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии

*ФГБОУ ВО «Пермский национальный
исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия
614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, e-mail: spp45@mail.ru*

Волков Артем Анатольевич

аспирант кафедры философии и общественных наук

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: artemka.1993real@gmail.com*

ПРАВО НА ГОРОД (НА ПРИМЕРЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Svetlana P. Paramonova

Doctor of Philosophy prof. kaf. sociology and political science

*FSBEI of HE 'Perm National Research Polytechnic University', Perm, Russia
614990, Perm, Komsomolsky prospekt, 29, e-mail: spp45@mail.ru*

Artem A. Volkov

postgraduate of the Department of Philosophy and Social Sciences

*FSBEI of HE 'Perm State Humanitarian Pedagogical University', Perm, Russia
614990, Perm, Sibirskaya, 24, e-mail: artemka.1993real@gmail.com*

RIGHT TO A CITY (ON THE EXAMPLE OF EMPIRICAL STUDIES OF SMALL CITIES IN THE PERM REGION)

Аннотация. Содержатся два подхода к выявлению понятия «право на город». Рассматривается подход к государству как централизованной, исторически развивавшейся системе согласований действий социума через репрессивную и символическую структуры. Новацией разработчиков «права на город» – философов Л. Альтюссера, А. Лефевра, Д. Харви стало открытие

нового поля исследований, преодоление отчуждения населения городов от реальной политики, противопоставления формальному подчинению государству движения городских жителей за свои права. Выяснены методы структурирования понятия «право на город». Основное понятие помещено в конкретную ситуацию малых городов региона, отражающих изменение состояний сознания и поведения: движения молодежи в центры развития, и тем самым появляется процесс умирания малых городов. «Право на город» – ориентация на сохранение и развитие городской социальной общности – коллективности.

Ключевые слова: понятие «право на город»; оценка институтов и сфер жизнедеятельности жителями малых городов региона; стихийность и планомерность, настоящее и будущее населения больших и малых городов; миграции молодежи – реакция населения на стихийность; неолиберализм – «информационное общество»; рынок как условие неравенства; разумная коллективность – преодоление неравенства.

Abstract. This article contains two approaches to identifying the concept of ‘city rights’. Here is an appeal to the authors-developers of the problem of the state, as a centralized, historically developed system of coordinating the actions of society through a repressive and symbolic system. The innovations of the developers of the ‘right to the city’ philosophers L. Althusser, A. Lefebvre, D. Harvey were the opening of a new field of research, overcoming the alienation of the urban population from real politics, opposing the formal subordination of the movement of urban residents to the state for their rights. The methods of structuring the concept of ‘right to the city’ are clarified. The main concept is placed in the specific situation of small towns in the region: a change in states of consciousness and behavior: the movement of young people to development centers, and thus the process of dying of small towns appears. ‘Right to the city’ orientation to the preservation and development of the urban social community – collectivity.

Key words: the concept of ‘right to the city’; assessment of institutions and spheres of life by residents of small towns in the region; spontaneity and orderliness, present and future of the population of large and small cities; migration of youth – the reaction of the population to spontaneity; neoliberalism – ‘information society’; market as a condition of inequality; smart collectivity – overcoming inequality.

Актуальность проблемы городской мобильности обусловлена переходом от статичности 2000-х гг. к мощной ориентации на миграцию молодежи первой четверти 2020-х в большинстве регионов страны; заметное место миграций молодых занимает и Пермский регион. Выявить этот процесс можно через измерение состояний сознания общества. Обращаясь к проблеме движения молодых в точки развития общества, невозможно обойти вниманием монографию Дж. Урри «Мобильности» [14].

В период, когда правительство РФ и власти на местах разрабатывают стратегии развития на перспективу до 2036 г., особенно важно не мыслить в чисто технико-технологических и экономических категориях, а учитывать роль человеческого фактора и его «социального капитала».

Проблема городов с позиций социальных процессов, идущих в США, исследована Дж. Джекобс [8], а Россия и регион различными сторонами промышленного производства, культуры и образования включены в мировой процесс. Для того чтобы осмыслить в целом такую сложную социальную реальность с неравномерным развитием ее институтов и работающих слоев городской общности (от интеллектуально напряженно работающих преподавателей вузов, управленцев, технических специалистов, различных по квалификации слоев рабочих и служащих до прибывающих волн молодежи из периферии – внутрирегиональных мигрантов), необходимо обратиться к социологии города.

Объект исследования – население региона. Предмет исследования – поведенческие формы жителей малых городов региона и их оценки сложившейся ситуации. Это горожане, лишь спорадически использующие «право на город». Можно определить метод, примененный в исследовании, как структурно-функциональный анализ и переход от позитивизма к современному марксизму с ориентацией на работы Л. Альтюссера [1], Л. Болтански и Л. Тевено [2], П. Бурдьё [3], И. Валлерстайна [5], А. Лефевра [10], Д. Харви [15] в описании личностного потенциала жителей региона – субъекта современной истории.

Как отмечает Г. Юдин, термин «право на город», придуманный Анри Лефевром, был подхвачен известным антропологом Дэвидом Харви. «Право на город» представляет собой концепцию публичных пространств, в центре которой модель демократии форума, где граждане могут собираться во время досуга для политических дискуссий и принятия решений. Общественное пространство не может быть рассчитано только на потребление и развлечение, оно неизбежно порождает политического субъекта. И пусть этот «субъект» будет численно гораздо меньше совокупности всех жителей города, но именно

он будет заявлять о себе как о «горожанах», претендующих на владение городом [7, с. 110–111].

Право на город включает в себя два аспекта: право на участие и право на присвоение. Право на участие предполагает, что горожане должны участвовать в принятии всех решений, сопряженных с созданием городского пространства. В сферу решений, которые должны, согласно праву на город, принимать граждане, входит весьма широкий список сфер общественной жизни всех масштабов. Даже инвестиционные решения фирм, действующих в городе, попадают в сферу права на город, так как играют важную роль в производстве городских пространств. Таким образом, горожане получают «место за столом переговоров» и «прямой голос» при принятии решений в городе, в противовес опосредованному участию в производстве общественных пространств посредством уплаты налогов и в голосованиях, практикующемуся в демократических странах [1].

Луи Альтюссер, создатель структуралистского марксизма, в работе «Идеология и идеологические аппараты власти (заметки для исследования)» отмечает, что воспроизводство рабочей силы неизбежно ведет к воспроизводству не только ее «квалифицированности», но и подчиненности господствующей идеологии или «практике» этой идеологии. «...все указывает на то, что воспроизводство квалифицированной рабочей силы обеспечивается именно в формах идеологического подчинения [1].

«Школа (а также другие государственные и церковные учреждения или иные аппараты, такие как армия) учит «навыкам» и делает это в тех формах, которые обеспечивают подчинение господствующей идеологии или овладение «практикой» такого подчинения» [1].

Структура «права на город» включает унифицированный (репрессивный) государственный аппарат, который целиком принадлежит общественной сфере. Вместе с тем значительная часть идеологии административного госаппарата (в своем очевидном рассредоточении), наоборот, относится к сфере частной. К этой сфере принадлежат церкви, партии, профсоюзы, семьи, некоторые школы, большинство газет, предприятий культуры.

Теория производства общественного пространства Анри Лефевра включает три типа пространства: воспринимаемое, мыслительное и жилое. Воспринимаемое пространство – объективное пространство физических объектов, с которыми люди взаимодействуют в повседневной жизни. Мыслительное пространство – мир идей и представлений о том, как должно выглядеть пространство, окружающее людей. Жилое пространство – комбинация воспринимаемого и задуманного, не просто физическое место, где происходит общественная жизнь, но ее составной элемент.

Согласно Лефевру, создание городского пространства обязательно включает в себя преобразование общественных отношений в существующем жилом пространстве, что означает гораздо больше, чем планировка физического пространства. Право на активное создание городского пространства и доступа к нему Лефевр и называет «правом на город».

Главная идея – призыв к радикальной реструктуризации социальных, политических и экономических отношений в рамках города. Радикальную природу концепции подчеркивает тот факт, что право на город затрагивает сферу принятия значимых решений: настаивает на переориентации системы принятия решений с государственного уровня на городское пространство и городских жителей. Причем Лефевр выступает за участие горожан в принятии всех решений, которые относятся к созданию городских пространств.

Право на город должно способствовать сокращению социального неравенства. Право на город завоевывается и осуществляется путем социальной мобилизации и коллективной политической и социальной борьбы для трансформации существующих либерально-демократических гражданских и капиталистических социальных отношений, которые наравне с глобализацией являются причиной социального неравенства [10].

Международный альянс жителей и ООН (посредством программы по населенным пунктам) на Международном урбанистическом форуме в 2004 г. приняли решение о включении права на город наравне с жилищем и чистой водой в список прав на предметы первой необходимости.

Сфера государства не подпадает под это право, потому что она находится «за пределами права»: государство, которое является государством господствующего класса, не является ни частным, ни общественным – оно является условием всякого различия между общественным и частным. Теперь выразим эту мысль, оттолкнувшись от идеологических аппаратов государства. При этом не важно, являются ли составляющие эти идеологические аппараты институты «частными» или «общественными». Важно, как они функционируют. Частные институты могут прекрасно «функционировать» как идеологические аппараты государства.

Структура понятия «право на город» включает в себя право на физический доступ к городским пространствам и их использование. Важно то, что это право способно не только занимать уже созданные пространства, но и производить и преобразовывать пространства таким образом, чтобы они отвечали потребностям людей. Полезность пространства для горожан становится главным аспектом при принятии решения о его создании. Вопросы распоряжения земельными участками, поднятые в статье И.Р. Медведева, доводят «право на городское пространство» до конкретных юридических технологий [11, с. 181–195].

Дэвид Харви уточняет и расширяет понятие «право на город», развивая идею коллективности: «...право на город – больше, чем свобода доступа индивида к городским ресурсам, это право на изменение себя посредством изменения города, в котором мы живем. Это коллективное, а не индивидуальное право, так как может быть осуществлено только коллективной властью для преобразования процессов урбанизации» [15].

Суть в том, что граждане поодиночке и сообща в своей повседневной деятельности, предпринимая политические, интеллектуальные и экономические усилия, строят город. Подчеркивая деятельную сущность человека и практическую сторону «права на город», Харви отмечает, что право на изменение города – это не абстрактное право, а право, которое укоренено в повседневных практиках независимо от того, знаем мы о его наличии или нет.

Дэвид Харви утверждает, что только в борьбе с мертвым грузом государства и территориальной власти можно отстаивать право на город. Требование права на город может обрести определенную силу только в том случае, если существует пространство, в котором это требование можно увидеть. Публичное пространство – перекрестки, парки, улицы – те места, где политические организации могут представить себя широкой публике. Притязая на пространство публично, создавая публичные пространства, социальные группы сами становятся публичными.

Неотчуждаемое право на город основывается на создании открытых и публичных городских пространствах, чтобы котел городской жизни оказался в состоянии стать катализатором, из которого могут появиться новые концепции и конфигурации городской жизни. Право на город – это не дар. Его должно завоевать себе политическое движение. Если городской пейзаж был воображен и сделан, то его можно вообразить (осмыслить) иначе и преобразовать [15].

Идею публичного пространства, выдвинутую Д. Харви, расширил до уровня «публичной социологии» М. Буравой, полагая, что у общества должен быть канал поиска своих ответов на вызовы государства. На фестивале неигрового документального кино «Флаэртиана-19» в Перми турецкий кинематограф смело продемонстрировал выступления общественных организаций, партий в мирном шествии против ведения войны в Сирии. В ответ государство расстреливало демонстрантов и добивало раненых на площади. Таксисты же бесплатно увозили в больницы людей, избитых полицией. Коллективное мирное выступление было жестоко подавлено, «право на город» – растоптано.

Несмотря на то что термин «право на город» появился в конце 60-х гг. XX в., активное его использование началось лишь недавно. Использование «права на город» активизировало целый ряд гражданских инициатив, волна которых сначала прокатилась по США, Восточной Европе и Латинской Америке, а затем вспыхнула в ближневосточных городах, таких как Бейрут и Стамбул.

В Европе и Америке завязалась теоретическая дискуссия. Понятие «право на город» стало весьма модным в наши дни, считает исследователь Марсело Лопес де Соуза, тем не менее термин не всегда интерпретируют в соответствии с работами Лефевра и Харви. Многие неправительственные организации и городские девелоперские агентства считают «право на город» правом на осуществление следующего сценария: «доступное жилье для человека» (начиная от «хорошего» жилья, «хорошей» инфраструктуры по соседству и заканчивая «экологически чистым» транспортом) плюс «участие» в движении уже в смысле, более приближенном к оригиналу. В политико-философском и социально-теоретическом смысле право на город может означать следующее: «как можно больше справедливости и защиты окружающей среды». В большинстве случаев люди считают, что право на город – это право на лучшую, более «человечную» жизнь в условиях капиталистического общества и представительной демократии [15].

Вместе с тем некоторые из современных ученых, дискутируя на тему набирающего популярность термина «право на город» и увеличивающегося числа массовых социальных протестов, выступают с критикой концепции Лефевра. Они высказывают опасения, что теория Лефевра более радикальна и опасна, чем ее представляют, кроме того, считают ее теоретически и политически неразвитой. Критики утверждают, что А. Лефевр не предлагал полноценной альтернативы имеющимся у современных горожан институтам избирательного права.

Американский автор М. Персел сомневается в том, будут ли решения горожан по поводу экономической деятельности крупных компаний в их городе эффективными. Влияние на социально-политическое пространство одного города распространится и на другие регионы. В данной постановке проблемы отмечается: Лефевр верит в то, что право на город никоим образом не касается вопроса взаимоотношений национальностей, а также других неполитических различий, таких как пол, этнос, социальное окружение, хотя сейчас подобные различия играют очень большую роль в социальном взаимодействии. В работах

Анри Лефевра остается также неясным, как именно горожане будут использовать свое право принимать решения. Основной задачей является соответствие создаваемых городских пространств потребностям жителей города, однако конкретные решения все равно придется продвигать путем их долгого согласования и политической борьбы. Критик отмечает, что не совсем ясны границы территории, на которой жители обладают правом на город. Термин Лефевра «город» кажется американскому исследователю М. Перселу не до конца определенным.

После представленной теоретической концепции и ее критики мы помещаем проблему «права на город» в социологическую теорию среднего уровня и опираемся на эмпирический уровень проведенного исследования. Любая монография или статья всегда ставит одну задачу разрешения противоречия, «затруднения», по Р. Коллинзу. Здесь поставлена проблема описания реального положения групп населения, прибывающих из малых городов в большой город. После неудачных поисков работы и жилья, отсутствия условий развития, в которое молодой человек мог бы включиться, ситуация заставляет его отправиться в поиски лучших условий существования.

Естественная мобильность способствует притоку новых сил в развитие городов, однако «зашкаливающая» мобильность – утечка в центры из малых и больших городов региона из-за остановки в них промышленного комплекса предприятий – вызывает эффект умирания городов. Это – катастрофа, которой городским сообществам предстоит противостоять собственной самоорганизацией.

Основной выдвигаемый нами тезис: молодежь уходит туда, где есть развитие. Привлечение же талантливой молодежи становится геостратегической задачей зарубежных стран – против России как значимого международного игрока. Так, геополитик из окружения Д. Трампа, В. Нуланд, прямо заявила о том, что наиболее образованные, развитые лица из числа молодежи России найдут себе применение в США. Об этой утечке наиболее талантливой молодежи в США и страны ЕС, о том, что Россия теряет таланты,

бьют тревогу видные ученые, в т. ч. директор Института повышения квалификации ЮРФУ Ростова-на-Дону, профессор Ю.Г. Волков [6, с. 20–29], член-корреспондент Академии наук, профессор ПНИПУ В.В. Вольхин [12, с. 77–81].

Проблемой малых городов региона, исходя из современных исследований, является наличие занятости трудом. Лишите человека возможности трудиться – остановится само существование и развитие общества. Современное развитие общества как никогда опирается на уровень развития культуры, образования, науки, труда, экономики.

Версии в описании социальных групп региона могут быть самыми разными: от крайне уважительных к деятельности пермских школ в науке, музыкальной культуре, конструкторских бюро авиастроения до критической характеристики населяющих окраины слоев, освободившихся из мест заключения. Опрос на тему «Жизнь в движении» в 2015–2016 гг. проводился среди занятого населения большого и малых городов пермского региона (N = 500). Для того чтобы представить в анализе размывающую социальную структуру под предметным углом зрения, авторская программа С.П. Парамоновой вводит новое основание типологизации, выделяя три группы по нарастанию фактора деятельной сущности человека: «стабильные», «латентно-мобильные», «прогрессивно-мобильные». Контекстуальное поле включает следующую дифференциацию: 1) «стабильные» – управленцы и высококвалифицированные преподаватели вуза; 2) «латентно-мобильные» – служащие, работники в сфере сервиса, рабочие ремонтно-строительного предприятия «Запад-Уралстрой», работники областной библиотеки, учителя, рабочие Перми, работники ГУФСИН в Соликамске, самозанятые Воткинска; 3) «прогрессивно-мобильные» – выпускники вузов, молодые специалисты, студенты, выпускники средних и начальных учебных заведений, школ. Прибывая из малых и средних городов региона, они занимают места в социальной структуре – сфере обслуживания, производства и предпринимательства.

В соответствии с программой исследования и заимствованным инструментом лаборатории социологии ПНИПУ все три типа выявили различные нормы, ценности и оценки в основных сферах жизнедеятельности, таких как труд, вне рабочее время, политические предпочтения, экология, состояние и поддержание здоровья, культура и образ жизни. В перспективе представлены ожидаемые ориентации на преобразование сферы труда и производства, поскольку основным орудием прогресса общества становятся факторы культуры, образования, науки, экономики, занятости прогрессивными видами труда. В результате прорисовывается противоречие между населением, образованным и воспитанным в индустриальной культуре, и механизмом приостановки новаций стабильной администрацией различных уровней вертикали власти, управленческой системой, лишь «подставляющей костыли под завалы, но не ставящей свою шкуру на кон», по Н. Талебу [13]. Государству сложнее организовать стимулы к активному труду и творчеству в сравнении с тем, чтобы по принципу «ночного сторожа» выдавать пособия, обозначать группы для получения льгот, определять приоритетную часть общества с ипотечным кредитованием и обеспечением жильем. В то время как необходимо определиться с организующим обществом принципом его самодвижения, следует поставить вопрос и об источнике самодвижения.

Цель исследования – помещение типов личности в определенный контекст социосферы большого города. Картина массового, группового и личностного осознания экологической, социальной, управленческой ситуации в малом и большом городах региона в частной жизни связана с ролью семейных отношений, культуры и образа жизни. Следующий шаг – выявление движения выделенных групп (личности) в одном астрономическом, но разном социальном времени. В исследовании выявлены основные сферы жизнедеятельности личности, характеризующие «человеческий капитал» в его праве на город.

Астрономическое время, в котором проведено исследование, – первая четверть миллениума с лидерствующей ролью науки и техники в развитых

странах глобального социума. Социальное время названо чумой XXI века. Что касается оценок сложившейся ситуации пандемии COVID-19, то, характеризуя ситуацию с карантином и приостановкой работы части социосферы, следует заметить, что мы разделяем позиции ряда авторов о пост-коронавирусном состоянии мира, неолиберализме, названном «информационным обществом», по Харви [15, с. 19]. Во многом поведение стран во время пандемии определялось расхождением ориентаций. Были предложены разные сценарии: первый – самоизоляция для приостановки передачи от человека к человеку таинственной болезни. Это сопровождалось приостановкой сфер среднего и малого бизнеса и дистанционными методами работы гуманитарной сферы: образования, управления, искусства. Второй сценарий – удерживать свой экономический потенциал государствами, не останавливая производства и не выплачивая пособий заболевшим. Здесь вопрос состоит в том, кто из трех мировых игроков – ЕС, США и Китаем может преодолеть социально-экономическое противоречие? Однако ожидания того, кто же выйдет победителем в этом всемирном противоречии, по мнению аналитиков, несостоятельны. Выяснилось, что все три мегасубъекта современного экономического хозяйства находятся в долгах перед наднациональными финансовыми центрами управления и победителем не может быть никто. Россия имеет относительно самостоятельное место, более или менее стабильно выходит из коронавирусных испытаний [9, с. 3]. Соответственно, научные силы России и развитых стран в сфере биологии и медицины разрабатывают вакцины, проверяемые на добровольцах.

Проведенное исследование городской мобильности в малых городах региона отражает стороны квалификации, эффективность и дисфункции социальных институтов города, дает представление о степени ориентации населения малых городов на передовые технологии и на необходимость повышения квалификации и образования в сфере исполнительского труда.

Основной идеей является «спрос, предъявляемый жителями города, на обновленное, расширенное право на доступ к городской жизни». П. Бурдые

отмечает, что М. Хальбвакс в работе «Социальные рамки памяти» дал ориентиры частной жизни, сопряженные с государственными: «целый комплекс структур социальной темпоральности, маркированный социальными ориентирами и коллективными видами деятельности» [3, с. 57]. Классик социологии представил антропологическое соотношение вещей [4], чтобы понять реальные функции государства, не только его экономические и физические санкции, но и символическое принуждение и насилие. Бурдьё приводит нас к выводу: на первый взгляд кажется, что государство наделяет нас благами, но в реальности это мы, придерживаясь символических форм, содержим государство. Соответственно, из этого можно прийти к выводу: мы имеем право на город.

Право на город принадлежит всем. Однако городская коллективность вызревает в периоды социальных напряжений, в периоды противостояний. «Стабильные» ближе всего к группам, которые распоряжаются «правом на город». Главная ценность, как закономерно отметили они, долг. Судя по их ответам, ими руководит ценность «чистая совесть». «Стабильные» – люди, состоявшиеся в жизни и управлении. Нередко занятые собой, они перегружены освоением новой информации, идущей сверху от оргструктур «вертикали власти». Вместе с тем ценность всеобщего взаимопонимания, соблюдения порядка в обществе иногда приводит их к «затруднениям», противоречиям сознания и поведения.

Гражданское самосознание выражено критической оценкой населением работы административных структур различных уровней. Представления местных властей о благоприятных условиях жизни в малом городе не совпадают с мнением занятых групп о сложившейся жизненной ситуации региональной поселенческой общности. Роль самосознания населения городов учитывается лишь в предвыборных кампаниях и рейтинговании авторитета правящих персон. Если государство создает условия, когда обществу нет дела до человека труда, то и человеку труда нет дела до крупных общественных задач. Патриотизм становится декларативной разыгрываемой картой

идеологии, а критика социальной ситуации рассматривается как обвинение в отсутствии патриотизма. Речь идет о подмене краткосрочными мерами долгосрочной перспективы управления развитием городов региона. При часто сменяемых губернаторах в регионах «право на город» зависит в неопределенности. Населению городов не с кого спросить за предвыборные программы.

Если государство начиналось со статистики, с создания налоговой системы и бюрократического аппарата, то, обрабатывая сознание населения, оно вводит ритмы организации на основе календаря и формирования символов, языка, и в этих знаковых системах формируются установки на те или иные формы поведения. Затем они оформляются институционально. Под прессом законов нередко формальное прессует живое, реальное. Неолиберализм принимает форму цифровизации. «Право на город» – теоретически разработанная концепция обретения населением городов публичных мест – пространства для выражения своих чувств, настроений, оценок. Переоценка социально-экономической и политической ситуации в современных условиях должна играть на опережение.

«Право на город» подлежит тройному структурированию. Первый аспект: 1. Соотношение государственного и частного права. В первом случае речь идет о производстве и распределении. За этим маячит идея социального равенства. 2. Существует два способа воздействия государства на личность: репрессивное право и идеологическое (символическое) воздействие. Идея символической роли государства после работ Л. Альтюссера активно разрабатывалась А. Лефевром, Д. Харви и широко развернута П. Бурдьё. Второй аспект структурирования: 1) государственное и 2) частное право. При этом если государственное право связано с экономической, политической, социальной сферой, то частное право включает идеологию, мораль, религию, культуру и образ жизни. Третий аспект структурирования «права на город» показывает на антропный принцип: взаимосвязь повседневной (бытовой) и социально-политической сферы.

Колеблющиеся в своей стратегии поведения «латентно-мобильные» группы придают состоянию стабильности основу под требования администрации, находясь под влиянием «стабильных». Лишь «прогрессивно-мобильные» готовы прервать препоны медлительного, тлеющего социального процесса, но они не у переднего края дел, они удалены от самоуправления на предприятии. В данном исследовании представлен разноуровневый характер социальных слоев, обладающих разной энергетикой и лишь спорадически организуемых «правом на город».

На наш взгляд, такие замеры общественного самосознания при востребованности знаний о субъективном факторе городского самосознания должны регулярно проводиться в регионе для перехода от стихийности к рациональности.

Список литературы

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты власти (заметки для исследования) [Электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/read/altuyusser_lui/ideologiya_i_ideologicheskie_apparati_gosudarstva.html#0.
2. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки теории графов. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 576 с.
3. Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнаревой; предисл. А. Бикбова. – М. : Дело РАНГХиГС, 2016. – 720 с.
4. Бурдьё П. Экономическая антропология: Курс лекций в Коллеж де Франс. (1992–1993) / под ред. П. Шампаня, Ж. Дюваля при участии Ф. Пупо, М.К. Ривьер, послесл. Р. Буайе; пер. с фр. Д. Кралечкина. – М. : Дело РАНГХиГС, 2019. – 416 с.
5. Валлерстайн И. Мир-система Модерна IV. Т. IV: Триумф центристского либерализма, 1789–1914 гг. / рецензент проф. Г.М. Дерлугьян; пер. с англ., лит. ред., ком. Н. Проценко. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 496 с.
6. Волков Ю.Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой социальной реальности // СОЦИС. – 2017. – С. 20–29.
7. Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? / ред.-сост. И. Фурман, науч. конс. Н. Румянцев. – М. : Strelka Press, 2017. – 216 с.
8. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. – М. : Новое изд-во, 2015. – 512 с.
9. Катасонов В. Большая встряска. Диспропорции мировой экономики // Завтра. – 2020. – № 11(1369). – С. 3.

10. Лефевр А. От права на город к урбанистической революции [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anri-lefevr-ot-prava-na-gorod-k-urbanisticheskoy-revolyuutsii>.
11. Медведев И.Р. Право на город // Закон. – 2015. – № 6. – С. 181–195.
12. Парамонова С.П. Социальные ресурсы города // Homo Eurasicus: в системах урбанистических и сельских ландшафтов : монография. – СПб., 2019. – С. 60–72.
13. Галев Н.Н. Рискую собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни / пер. с англ. Н. Караева. – М. : КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2019. – 384 с.
14. Урри Дж. Мобильности. – М. : Праксис, 2012. – 576 с.
15. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / пер. с англ. Н.С. Брагиной. – М. : Поколение, 2007. – 288 с.

УДК 316.334.56

DOI: 10.24412/2308-7226-2020-2-53-61

Шишигин Андрей Владиславович

кандидат социологических наук, доцент кафедры философии
и общественных наук

Миляева Диана Дмитриевна

бакалавр по направлению подготовки «Педагогическое образование»

*ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, (342) 238-63-44*

**МЕЖДУ РЕПРЕССИВНОСТЬЮ И ГУМАННОСТЬЮ: ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА ПЕРМСКИХ СТАРШЕКЛАСНИКОВ****Andrey V. Shishigin**

Candidate of the Socio-scientific sciences, associate professor
of the Department of Philosophy and Social Sciences

Diana D. Milyaeva

bachelor with speciality pedagogical education

*FSBEI of HE 'Perm State Humanitarian Pedagogical University', Perm, Russia
614990, Perm, Sibirskaya, 24*

**BETWEEN REPRESSIVENES AND HUMANITY: LEGAL CULTURE
OF HIGH SCHOOL SENIORS OF THE CITY OF PERM**

Аннотация. Рассматривается динамика изменения состояния правовой культуры пермских старшекласников. Проводится сравнительный анализ результатов исследований в 2002 и 2020 гг. Делается вывод о существовании тенденции к изменению правовой культуры в сторону большей гуманизации.

Ключевые слова: право; смертная казнь; наказания; старшекласники; преступления.

Abstract. The article considers the dynamics of state changes legal culture of high school seniors of the city of Perm. A comparative analysis of research results (2002 and 2020) is carried out. It is concluded that there is tendency of change legal culture in the direction of humanization.

Key words: law; death penalty; punishments; high school seniors; crimes.

В современной России человеческая личность все чаще начинает восприниматься как наивысшая ценность. Данный процесс распространяется на все сферы функционирования общества, включая правовые институты. Например, 19 ноября 2009 г. Конституционный суд России принял решение, согласно которому суды в Российской Федерации не могут выносить смертные приговоры. Анализ действующего законодательства позволяет утверждать, что гуманизация является одной из основных тенденций развития права [1].

Позиция законодателя в вопросах приоритета гуманности достаточно последовательна. Вместе с тем значительная часть граждан России не поддерживает действия органов законодательной и судебной власти, направленные в сторону смягчения наказаний и гуманизации права. Так, согласно данным опроса «ФОМнибус», проведенного 26–27 октября 2019 г. в 53 субъектах РФ, только 21 % респондентов считает применение смертной казни недопустимым, тогда как 69 % опрошенных допускают применение высшей меры наказания. Важно отметить, что в вопросе допущения смертной казни нет существенных различий между мужчинами и женщинами. Отношение к мораторию на смертную казнь у 45 % респондентов негативное. При этом 52 % опрошенных считают, что следует снова применять смертную казнь и только 8 % респондентов проголосовало за полную отмену смертной казни [3]. В то же время данные опроса «ФОМнибус» указывают на большую гуманность в вопросах смертной казни самой молодой группы респондентов (18–30 лет). Среди молодежи лишь 63 % допускают применение смертной казни, тогда как 30 % считают такое наказание недопустимым [Там же].

Уже сам факт существования значимых различий в оценках применения смертной казни между молодежью и людьми старших возрастных групп служит достаточным основанием для того, чтобы более подробно рассмотреть особенности правовой культуры молодых россиян. В данной статье авторы анализируют текущее состояние и динамику правовой культуры

старшеклассников г. Перми в контексте гуманизации социально-правовой сферы жизни общества.

В 2002 г. группой пермских исследователей было изучено состояние правовой культуры старшеклассников г. Перми и учителей столицы Пермского края. Анкетный опрос охватывал 395 учащихся 10–11-х классов семнадцати школ г. Перми (максимально допустимая ошибка = 0,05; $P = 0,95$). Выборка школ осуществлялась с учетом двух факторов: степени престижности образовательных учреждений и глубины изучения права [2]. В октябре 2020 г. под руководством А.В. Шишигина было проведено пилотажное исследование правовой культуры старшеклассников г. Перми (МАОУ «Лицей № 10», МАОУ «Гимназия № 31», МАОУ «Гимназия № 33»)¹. Объем выборки составил 86 учащихся. При вероятности (P), равной 0,95, величина максимально допускаемой ошибки составляет 10,5 %. Принимая во внимание тот факт, что исследование 2020 г. проводилось с использованием почти того же самого инструментария, что и исследование 2002 г., данный пилотаж может рассматриваться как разновидность панельного исследования.

В отличие от исследования 2002 г., в исследовании 2020 г. сравнение возможно только по полу. Это объясняется сравнительно небольшим объемом выборки. По этой же причине выявление межпоколенных различий (между старшеклассниками 2002 и 2020 гг.) оказывается возможным только по выборке в целом, без учета особенностей ответов юношей и девушек.

Распределение по полу в пилотажном исследовании 2020 г. выглядит следующим образом: юноши – 32, девушки – 49. Еще пять респондентов не указали свой пол.

Ниже (табл. 1–4) представлены результаты ответов на некоторые вопросы в пилотажном исследовании 2020 г.

---

¹ Авторы выражают благодарность Л.В. Жениной и М.Е. Шмыриной за помощь в организации пилотажного исследования.

Таблица 1

Как бы вы определили свое отношение к такой мере наказания, как смертная казнь? (процент от числа опрошенных; октябрь 2020 г.)

	Смертную казнь необходимо вернуть, но применять только в крайних случаях (например, только в отношении террористов, серийных убийц и убийц детей)	Смертную казнь необходимо вернуть и применять как можно чаще (например, не только в отношении террористов и убийц, но и в отношении лиц, совершивших хищение государственной собственности, злостных аферистов, чиновников-взяточников)	Данную меру наказания возвращать не следует	Затрудняюсь ответить
Юноши	34,4	15,6	40,6	9,4
Девушки	49,0	2,0	38,8	10,2
Все респонденты	44,2	7,0	38,4	10,5

Результаты пилотажного исследования (табл. 1) говорят о том, что значимые различия между юношами и девушками проявляются не в вопросе применения – неприменения смертной казни, а в вопросе ее расширенного применения. Представители сильного пола гораздо чаще высказываются за расширенное применение высшей меры наказания.

Таблица 2

Если ужесточить наказания за преступления, то, на ваш взгляд, как это повлияет на количество уголовных преступлений в России? (процент от числа опрошенных; октябрь 2020 г.)

	Количество преступлений уменьшится	Количество преступлений не изменится	Количество преступлений увеличится	Затрудняюсь ответить
Юноши	34,4	53,1	3,1	9,4
Девушки	38,8	36,7	2,0	22,4
Все респонденты	38,4	43,0	2,3	16,3

При ответе на вопрос о возможной динамике числа преступлений при ужесточении наказаний примерно одинаковое количество юношей и девушек

считает, что репрессивные меры приведут к снижению преступности (табл. 2). В данном случае, разница в 4 % не может считаться значимой. Вместе с тем почти четверть девушек затруднились ответить на этот вопрос.

Таблица 3

Как вы считаете, допустимы ли пытки и насильственные действия
в отношении людей?
(процент от числа опрошенных; октябрь 2020 г.)

	Недопустимы вообще	Допустимы, но только в чрезвычайных ситуациях (война, стихийные бедствия, эпидемии и т. п.)	Допустимы, но только в чрезвычайных ситуациях и только по решению суда	Затрудняюсь ответить
Юноши	56,3	15,6	15,6	12,5
Девушки	79,6	6,1	12,2	2,0
Все респонденты	68,6	10,5	15,1	5,8

Почти 80 % девушек и лишь 56 % юношей считают, что пытки недопустимы вообще (табл. 3). Даже с учетом небольшого размера выборки и значительной величины максимально допустимой ошибки различия следует признать существенными. «Подвох» в данном вопросе состоял в том, что среди возможных вариантов ответов была подсказка о допустимости пыток в чрезвычайных ситуациях по решению суда. Печальный факт заключается в том, что 15 % пермских старшеклассников убеждены в возможности российского правосудия приговорить человека к пыткам. Выбор респондентами данной подсказки указывает не только на низкий уровень правовых знаний, но и на нигилистическую оценку российской судебной системы.

Таблица 4

В настоящее время много говорится о том, что СМИ часто распространяют недостоверную информацию, тем самым обманывая людей. Какое решение данной проблемы вы считаете наиболее приемлемым?

(процент от числа опрошенных; октябрь 2020 г.)

	Усилить ответственность средств массовой информации за распространение недостоверных или заведомо ложных сведений	Ввести цензуру	Оставить все как есть – пусть люди сами разбираются, где правда, а где ложь	Затрудняюсь ответить
Юноши	65,6	3,1	12,5	18,8

Окончание табл. 4

	Усилить ответственность средств массовой информации за распространение недостоверных или заведомо ложных сведений	Ввести цензуру	Оставить все как есть – пусть люди сами разбираются, где правда, а где ложь	Затрудняюсь ответить
Девушки	73,5	14,3	4,1	8,2
Все респонденты	72,1	9,3	7,0	11,6

Расхождения в ответах юношей и девушек наблюдаются и при ответе на вопрос о возможном решении проблемы недостоверной информации, распространяемой СМИ. Среди девушек гораздо больше тех, кто в качестве варианта решения проблемы называет введение цензуры. Среди юношей больше тех, кто предлагает оставить все как есть и предоставить людям право самим разбираться в том, где правда, а где ложь.

Ответы на вопросы в табл. 1–4 не зависят от того, приходилось ли респондентам лично сталкиваться с нарушением своих гражданских прав, а также от материального положения респондентов (материальное положение определялось с помощью метода самооценки).

Для прояснения ситуации с межпоколенной динамикой ниже приведены результаты ответов на аналогичные вопросы в исследовании 2002 г. В сравнении с ответами в 2020 г. по выборке в целом (без разбивки по полу). В табл. 5–8 в числителе приведены данные за 2002 г., а в знаменателе – за 2020 г.

Таблица 5

Как бы вы определили свое отношение к такой мере наказания, как смертная казнь?
(процент от числа опрошенных)

	Смертную казнь необходимо вернуть, но применять только в крайних случаях (например, только в отношении террористов, серийных убийц и убийц детей)	Смертную казнь необходимо вернуть и применять как можно чаще (например, не только в отношении террористов и убийц, но и в отношении лиц, совершивших хищения государственной собственности, злостных аферистов, чиновников-взяточников)	Данную меру наказания возвращать не следует	Затрудняюсь ответить
Все респонденты	46,4/44,2	24,6/7,0	18,5/38,4	10,4/10,5

Проверка значимости различий долей (процентов)² показывает, что существуют значимые различия (на 5 %-м уровне) между отношением к смертной казни у старшеклассников 2002 и 2020 гг. Число сторонников расширенного применения смертной казни существенно сократилось. Одновременно вдвое увеличилось число тех, кто против возвращения смертной казни. Хотя проверка значимости различий осуществлялась по выборкам в целом, можно уверенно говорить, что значимые различия в оценках смертной казни, наблюдаемые в ответах респондентов 2002 и 2020 гг., свойственны как юношам, так и девушкам.

Таблица 6

Если ужесточить наказания за преступления, то, на ваш взгляд, как это повлияет на количество уголовных преступлений в России?
(процент от числа опрошенных)

	Количество преступлений уменьшится	Количество преступлений не изменится	Количество преступлений увеличится	Затрудняюсь ответить
Все респонденты	50,1/38,4	38,2/43,0	3,5/2,3	8,1/16,3

Также значимыми (на 5 %-м уровне) являются различия в ответах на вопрос о тенденциях изменения преступности при ужесточении наказания. К 2020 г. заметно сократилась доля тех, кто уверен, что ужесточение наказаний будет способствовать снижению преступности. Важно отметить, что у юношей межпоколенная динамика выражена сильнее, чем у девушек.

Таблица 7

Как вы считаете, допустимы ли пытки и насильственные действия в отношении людей?
(процент от числа опрошенных)

	Недопустимы вообще	Допустимы, но только в чрезвычайных ситуациях (война, стихийные бедствия, эпидемии и т. п.)	Допустимы, но только в чрезвычайных ситуациях, и только по решению суда	Затрудняюсь ответить
Все респонденты	50,1/68,6	20,7/10,5	22,0/15,1	8,6/5,8

² Формула, по которой осуществлялась проверка значимости различий, была взята из работы Паниотто и Максименко [4, с. 192].

По сравнению с 2002 г. заметно выросла доля тех, кто считает, что пытки и насильственные действия недопустимы вообще. Проверка значимости различий (на 5 %-м уровне) подтверждает статистическую достоверность произошедших изменений.

Таблица 8

В настоящее время много говорится о том, что СМИ часто распространяют недостоверную информацию, тем самым обманывая людей. Какое решение данной проблемы вы считаете наиболее приемлемым? (процент от числа опрошенных)

	Усилить ответственность средств массовой информации за распространение недостоверных или заведомо ложных сведений	Ввести цензуру	Оставить все как есть – пусть люди сами разбираются, где правда, а где ложь	Затрудняюсь ответить
Все респонденты	70,0/72,1	6,8/9,3	15,5/7,0	7,6/11,6

В случае с ответами на вопрос о мерах по предотвращению распространения в СМИ недостоверной информации существенных межпоколенных различий не выявлено.

Результаты сравнительного анализа указывают на серьезные изменения в правовой культуре пермских старшеклассников. Новое поколение молодежи в меньшей степени, чем это было в 2002 г., ориентировано на репрессивность правовой системы и в большей степени является сторонником гуманизации социально-правовой сферы. Вероятно, в ответах нынешних старшеклассников нашел свое отражение и факт существенного улучшения криминогенной обстановки по сравнению с началом XXI в. Очевидно, что правовая культура старшеклассников нуждается в комплексном и более масштабном аналитическом исследовании, которое позволит проверить ряд гипотез о существенных механизмах трансформации правовой культуры.

Список литературы

1. Дубровина Е.С. Гуманизация уголовного права как тенденция общественного развития // Вестник МГУ. Серия: Юриспруденция. – 2018. – № 4. С. 161–172.

2. Мониторинг состояния правовой культуры участников образовательного процесса в школах г. Перми / И.В. Бочаров, Л.В. Женина, А.В. Колобов // Комитет по образованию и науке администрации г. Перми; Центр развития образования им. С.О. Ветлугина г. Перми. – Пермь, 2002.

3. Отношение к смертной казни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14285> (дата обращения: 28.10.2020). Объем выборки 1500 человек, статистическая погрешность 3,6 %.

4. Паниотто В.И., Максименко В.С. Количественные методы в социологических исследованиях. – Киев : Наукова думка, 1982.

УДК 37.013.28

DOI: 10.24412/2308-7226-2020-2-62-68

Шаяхметова Венера Рюзальевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и общественных наук

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия*

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: perm_venera@mail.ru

**КАТЕГОРИЯ «СОВЕСТЬ» КАК ВЕДУЩАЯ ЦЕННОСТЬ
ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ А.С. МАКАРЕНКО****Venera R. Shaiakhmetova**

candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences

*FSBEI of HE 'Perm State Humanitarian Pedagogical University', Perm, Russia
614990, Perm, Sibirskaya, 24, e-mail: perm_venera@mail.ru*

**CATEGORY 'CONSCIENCE' AS THE LEADING VALUE OF
THE EDUCATIONAL SYSTEM OF A.S. MAKARENKO**

Аннотация. Рассматривается одна из ключевых ценностей воспитательной системы – категория «совесть» на примере деятельности педагога начала XX века А.С. Макаренко. Макаренко создал систему ценностей, принципов, понятий теоретического и практического наполнения педагогической науки. Автор подчеркивает необходимость изучать наследие Макаренко для определения возможностей созидательной коммуникации взрослых и детей и создания новых культурно-педагогических ситуаций.

Ключевые слова: А.С. Макаренко; категория «совесть»; воспитание; ценность.

Abstract. The purpose of this article is to consider one of the key values of the educational system – the category of 'conscience' on the example of the activities of the teacher of the early XX century A.S. Makarenko. Makarenko left the system of values, principles, concepts of the content theoretical and practical pedagogical science. The author emphasizes the need to study Makarenko's legacy to determine the possibilities of creative communication between adults and children and create new cultural and pedagogical situations.

Key words: A.S. Makarenko; category 'conscience'; education; value.

*Хорошее в человеке всегда приходится проектировать,
и педагог обязан это делать.
А.С. Макаренко*

Социальный запрос к школе сегодня – это преодоление разрыва между содержанием образования и реальной жизнью, достижение такого качества образования, которое воплощается не столько в высоких результатах ГИА, сколько в способности новых поколений быть востребованными в быстро меняющейся реальности. Запрос на трансформацию системы образования продиктован глобальными изменениями в обществе, что подтверждает министр просвещения С. Кравцов: «Главное – не просто обучать детей, а еще и воспитывать их, прививать истинные ценности: любовь к Родине, родителям, готовность помогать и быть равнодушным к чужому горю» [6]. Действительно, востребованы способности педагогов по формированию у современных детей механизмов самоактуализации (гибкости поведения, самоуважения, контактности и коммуникабельности, познавательной мотивации) и культивированию духовно-ценностных позиций.

Как известно, А.С. Макаренко относят к когорте четырех величайших педагогов, определивших педагогическое мышление XX – начала XXI в., наряду с Г. Кершенштейнером, М. Монтессори и Д. Дьюи.

Постепенно утихают споры теоретиков от педагогической науки относительно целесообразности обращения к его наследию как образцу якобы педагогики тоталитарной эпохи, авторитарного воспитания беспризорников или как мифу, не имеющему ничего общего с реальной ситуацией становления системы коммунистического воспитания и т. д. [1, с. 87–100]. При этом понятно, что в условиях новой социальной реальности использовать в готовом виде лекала новаторского опыта Макаренко вряд ли возможно; попытки противопоставить идеи коллективизма современным отношениям капиталистического индивидуализма будут равноценны борьбе с ветряными мельницами. В нынешнем состоянии некоего «духовного безвременья», поиска духовных и национальных скреп, кризиса целей и форм воспитания обращение

к наследию А.С. Макаренко может позволить не только переосмыслить современное пространство педагогического самоопределения, но и определить возможности созидательной коммуникации мира взрослых с детским миром, создания новой культурно-педагогической ситуации.

«Педагогическая поэма» начинается с эпизода конфликта Антона Семеновича с одним из воспитанников. Глумливость, хамство и развязность подростка столкнулись с «состоянием гнева, обиды и отчаяния» педагога, тяжело преодолевавшего в этот период обстоятельства по организации колонии. Макаренко писал: «Я размахнулся и ударил Задорова по щеке... Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил третий раз... Мой гнев был настолько дик и неумерен, что я чувствовал: скажи кто-нибудь слово против меня – я брошусь на всех, буду стремиться к убийству, к уничтожению этой своры бандитов» [4, с. 16].

Интересна последующая оценка педагогом случившегося: «Я не мучился угрызениями совести. Да, я избил воспитанника. Я пережил всю педагогическую несуразность, всю юридическую незаконность этого случая, но в то же время я видел, что чистота моих педагогических рук – дело второстепенное в сравнении со стоящей передо мной задачей». Попытка чтения педагогических книг в поисках способов воздействия на воспитанников, превращающих колонию имени Горького в воровской притон – «малину», обернулась стойкой уверенностью, что «никакой науки нет и никакой теории нет, что теорию нужно извлечь из всей суммы реальных явлений. Я сначала даже не понял, а просто увидел, что мне нужны не книжные формулы, которые я все равно не мог привязать к делу, а немедленный анализ и немедленное действие» [4, с. 15].

Не справляясь с ситуацией и не находя способов конструктивного реагирования на сложные взаимоотношения с беспризорниками, педагог использовал насилие в ответ на насилие, осознавая, что воспитанник сильнее его. Диктаторская позиция педагога оказалась уместна, позволив добиться первых положительных результатов: воспитанники стали принимать новые правила поведения и новый стиль взаимоотношений.

Насилие, как признавал Макаренко, «не какое-то всеильное педагогическое средство», это метод, абсолютно не подходящий для «выполнения соцвосовской [социалистического воспитания] мечты». Пережитое насилие изменило воспитанника Задорова (положительный жизненный сценарий в последующем, становление и востребованность его как специалиста). Значительные эмоциональные потрясения отмечались у других воспитанников колонии с постепенно проживаемой ими переоценкой случившегося. Если изначально поступок А.С. Макаренко воспринимался ими как утверждение права сильного, то впоследствии к ним приходит осознание того, что любой человек имеет право на защиту достоинства и установление справедливости всеми целесообразными средствами. Итог – отсутствие у подростков страха перед учителями, понимание ценности учительского труда бывшими беспризорниками. Макаренко отмечал, что постепенно на смену законам «воровской малины» пришли традиции взаимоподдержки, сопереживания и сотрудничества. Уходу воспитанников от деструктивных форм поведения способствовала реализация идеи Макаренко о воспитательном потенциале коллективного труда и индивидуальной ответственности за результат коллектива.

Впоследствии ситуация конфликта получила описание в качестве педагогического приема «эмоциональный взрыв», который может применяться, когда конфликт личности и коллектива входит в кульминационную фазу коллективного гнева, требовательного осуждения (но не унижения!) конкретного проступка воспитанника. Но при применении метода необходимы педагогическое мастерство и такт учителя, чтобы не «перегнуть палку» в предоставлении подросткам свободы выбора: либо измениться, либо стать объектом всеобщего бойкота.

Коллеги Антона Семеновича, осудив его поступок, при этом отмечали необходимость эмоциональной и поведенческой гибкости педагога, во-первых, в достижении внутреннего равновесия, во-вторых, в противостоянии деструктивным влияниям внешних условий и формам поведения подростков.

Субкультуре преступного мира Макаренко противопоставил свои ценности: уважение к личности, требовательность по отношению к себе и окружению, честность, дисциплину, труд. В коллективе подростков Макаренко видит средство воспитания человека и всесторонне развитой личности. «Одичавшие в своем одиночестве личности», своевольно проявлявшие себя в условиях послереволюционного хаоса, должны были, по его мнению, при сохранении известной автономии личностного пространства научиться чувствовать свою зависимость от коллектива, отстаивать интересы коллектива и дорожить этими интересами. «Внутреннее одиночество» личности заменяется на ситуацию ее нужности коллективу, при этом к личности предъявляются требования дисциплины, основанной на сознательности, а не на слепом подчинении. Труд становится обязательной частью воспитательного процесса и ценностью, необходимой человеку, поскольку благодаря труду устанавливаются гуманистические личностные отношения в коллективе. Роль высшей формы способности личности к моральному самоконтролю, осознанию ответственности перед собой и обществом педагог отдает совести.

Совесь в педагогической парадигме А.С. Макаренко была интегратором представлений о человеке и его личностном достоинстве, о законопослушном обществе. Это социально-философская и педагогическая универсалия. Совесь Макаренко рассматривал как способность человека, критически оценивая себя, осознавать и переживать свое несоответствие должному эталону или стандарту взаимоотношений с другими людьми, с коллективом. Совесь действует как нравственная интуиция, как внутренний голос правды, высшей ценности и личностного достоинства. Фактически как в философской системе И. Канта: совесь выступает как способность оценивать нас самих в соответствии с моральными законами и как судья, наказывающий или оправдывающий человека [3, с. 108].

Если у Г.В. Гегеля совесь – «абсолютная внутренняя уверенность в своей самодостаточности» [2, с. 178], полное уединение в себе самом, право субъективного самосознания признавать добром только то, что знает субъект,

то у Макаренко совесть – способность личности осуществлять самоконтроль, осознавать нравственные общественные обязанности, требовать как от себя, так и от других исполнения моральных установок социальной среды, способность человека судить себя с моральной точки зрения, которую он должен отличать от своей частной, субъективной оценки. Формируя универсалию совести у своих воспитанников, Макаренко ставил ее в один неразрывный ряд с долгом, достоинством, честью.

Проблему субъективного знания о требованиях социальной среды А.С. Макаренко решал путем изменения личностного «Я» бывших беспризорников, настаивая на «забвении негативного прошлого». Он считал, что осознание «нездорового» прошлого личного опыта с последующим отказом от него будет способствовать стремлению каждого воспитанника к будущему, основанному на новых, общественно-приемлемых морально-нравственных установках. При этом Макаренко настаивал на невозможности бесконфликтной педагогики: «Секрет и прелесть нашей жизни не в отсутствии конфликтов, а в нашей готовности и в умении их разрешать» [5, с. 420]. Конфликты должны решаться в рамках морально-нравственных ценностей с обязательным пониманием причин проступков и побуждений воспитанников.

Теория воспитания Макаренко основана на том, что средства воздействия на подростков могут применяться в зависимости от конкретных временных и исторических установок, особенностей их личности, и также мастерства и социально-этического опыта педагога. При этом Антон Семенович отмечал, что педагог в общении с воспитанником сам должен являть образец профессионала и субъекта культуры: «Вы можете быть с ними сухи до последней степени, требовательны до придирчивости, вы можете не замечать их... но если вы блещете работой, знанием, удачей, то спокойно не оглядывайтесь: они все на вашей стороне... И наоборот, как бы вы ни были ласковы, занимательны в разговоре, добры и приветливы... если ваше дело сопровождается неудачами и провалами, если на каждом шагу видно, что вы своего дела не знаете... вы никогда ничего не заслужите, кроме презрения...» [4, с. 134].

Требования к уровню профессиональной компетентности современных учителей в условиях цифровизации общественных отношений крайне высоки. В условиях всеобщего интернет-пространства подростки востребуют педагогов, обладающих высоким уровнем эрудиции и культуры, ведущих деятельную и содержательную жизнь, сохраняющих при этом позиции «нравственного компаса», помогая воспитанникам ориентироваться в сложной действительности.

XXI в. – век научно-технологических открытий и прорывов, в условиях которого педагогам необходимо удерживать позиции школы как ведущего образовательного центра, оплота духовно-нравственных ценностей. Кто-то сказал: «Хорошая школа отличается от плохой тем, что в ней больше вероятность встретить интересного учителя». В российских школах много интересных учителей, обязательным поведенческим паттерном которых является создание условий для психолого-эмоционального благополучия и безопасности подростков, а также поиск оптимальных путей самовыражения, самоутверждения и самореализации воспитанников.

Список литературы

1. Возчиков В.А. Миф «Педагогической поэмы» // Общество. Среда. Развитие. – 2008. – № 4. – С. 87–100.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М. : Мысль, 1990.
3. Кант И. Лекции по этике. – М. : Республика, 2000.
4. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. – М. : Правда, 1979.
5. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 6. / гл. ред. М.И. Кондаков. – М. : Педагогика, 1985.
6. Стратегия воспитания в РФ: как изменятся школы? [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosuchebnik.ru/news/strategiya-vospitaniya-v-rf-kak-izmenyatsya-shkoly/> (дата обращения: 19.03.2020).

УДК 32.019.5

DOI: 10.24412/2308-7226-2020-2-69-79

Иванов Андрей Сергеевич

магистр философско-социологического факультета

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия**614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, e-mail: andreivanov1997@bk.ru***СМИ, ИСЛАМОФОБИЯ И ДЕТИ****Andrey S. Ivanov**

1st year master of the Philosophical and Sociological Faculty

*FSBEI of HE «Perm state national research University», Perm, Russia
614990, Perm, Bukireva street, 15, e-mail: andreivanov1997@bk.ru***THE MASS MEDIA, ISLAMOPHOBIA AND CHILDREN**

Аннотация. Рассматриваются образы теракта в Санкт-Петербургском метро 3 апреля 2017 г., презентованные в различных российских СМИ и СМК. Произведена попытка отображения детского восприятия посредством опроса. На примере теракта в Санкт-Петербурге доказывается, что риторика, используемая СМИ, дает начало исключению огромного количества человек из российского общества и блокирует конструирование нации в целом.

Ключевые слова: исламофобия; дискурс; терроризм; дети.

Abstract. The article deals with images of the terrorist attack in the St. Petersburg metro on 03.04.2017, presented in various Russian media and QMS. An attempt made to display children's perception through a survey. On the example of the terrorist attack in St. Petersburg 3.04. 2017, it is proved that the rhetoric used by the media is the beginning of the exclusion of a huge number of people from Russian society and blocks the construction of the nation as a whole.

Key words: islamophobia; discourse; terrorism; children.

Рисунок семиклассника одной из пермских школ наталкивает нас на мысль об образе террориста в сознании обывателя. Здесь мы предполагаем отражение культурного расизма, мигрантофобии, ксенофобии и прочих явлений, которые можно обобщенно назвать исламофобией [22, с. 352]. Самое страшное заключается в том, что таков взгляд ребенка на столь сложные социально-политические процессы, происходящие по всему миру.

Рис. 1. Террорист глазами семиклассника

«Исламофобия» – термин, который используется в западных обществах, несмотря на отсутствие согласованного определения относительно его значения. Он вызывает много споров. Многие сомневаются в его правомерности либо просто отвергают его существование. Этот неологизм был создан в 1990-х гг. [19] для обозначения глобальных представлений об исламе в негативных, уничижительных смыслах и дискриминации в отношении мусульман по причинам социально-политической ненависти и предрассудков. Между тем понятие «исламофобия» прочно утвердилось в словаре многих теорий и концепций, изучающих проблемы межкультурного взаимодействия.

В течение последнего десятилетия были проведены различные исследования исламофобии, ее причин, последствий и проявлений. В работах мы видим разные точки зрения. Например, К. Аллен определяет исламофобию как «идеологию, схожую по своим целям и функциям с расизмом» [17, с. 187], он связывает ее появление с миграционными процессами в Великобритании 1980-х гг. Ф.А. Нур утверждает, что исламофобия – это инструмент легитимации политики неоколониализма, проводимой США и государствами Европы [23, с. 38]. Г. Марранчи считает, что исламофобия является защитным механизмом иудео-христианского культурного поля, появившимся после

терактов 11 сентября в сознании носителей культуры [20, с. 107]. А. Крымин и Г. Энгельгардт утверждают, что исламофобия – придуманный мусульманами защитный механизм, выработанный в процессе конфронтации США и государств Ближневосточного региона [4].

Первым из российских ученых, кто обратил внимание на проявление ксенофобии в средствах массовой информации (СМИ), стал В.А. Тишков. В своей статье «СМИ и ксенофобия» [14] он описал процессы, источником которых являются СМИ, и призвал их скорректировать риторическую политику.

По данным Левада-центра, в 2017 г. 22 % опрошенных согласились, что на территории России необходимо ограничить проживание выходцев с Кавказа [5], 17 % – считают, что следует ограничить проживание в России для всех наций, кроме русских; соцсети ежегодно заполняются изображениями мусульман, молящихся на улицах российских городов, с подписями в духе «Доколе?». Два раза в год, на Ураза-байрам и Курбан-байрам, страна обнаруживает, что как минимум несколько миллионов ее граждан исповедуют ислам. Бытовое негодование с энтузиазмом поддержано некоторыми СМИ и многими политиками – и вряд ли находит хотя бы одного открытого оппонента.

Исламофобия – явление, жертвами которого становятся миллионы людей, сменившие регион проживания, в том числе и немусульмане. Как социальное явление, она объемлет широкий спектр субъективных психологических реакций со стороны носителей европейской культуры по отношению к исламу и мусульманам. Сюда можно отнести проблемы религиозного согласия, миграционные процессы, исламизацию и, конечно же, терроризм. Исламофобия как политическое явление воплощается в различных идеологиях. Такая степень актуализации вызвана активным выходом мусульман из своего культурного поля на рубеже двадцатого – двадцать первого столетия в качестве политических беженцев или просто тех, кто сменил регион проживания в поисках повышения уровня жизни [23, с. 30]. Однако это более характерно для европейских стран, тогда как Российская Федерация – многонациональное государство, коренными народами которого являются и те, кто исповедует ислам.

Мы предполагаем, что подобные образы формируются под влиянием СМИ, которые презентуют явления, шокирующие любого человека, обвиняя в этом определенную часть населения. Таким образом, данная статья посвящена выявлению побочных эффектов антитеррористического дискурса, создающего негативный образ ислама и мусульман в российском публичном пространстве. Кейс основан на материалах российских массмедиа и других средств массовой коммуникации. Предполагается, что исламофобия как социальный конструкт берет свое начало в публичном пространстве, где посредством антитеррористического дискурса негативизируются ислам и мусульмане как таковые.

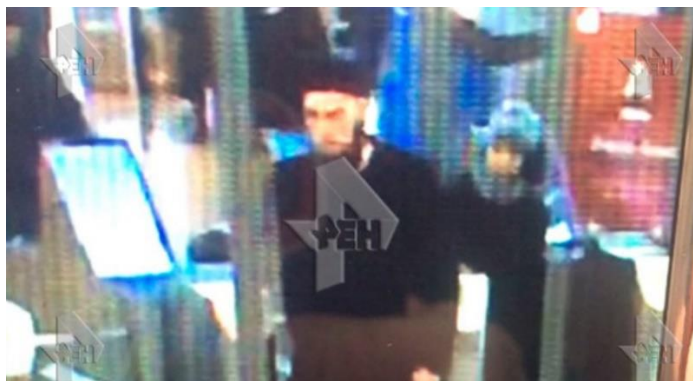
Методология работы находится в рамках когнитивно-семиотической парадигмы, в которой традиционно выделяется несколько подходов: структурный (Ч. Пирс, О. Шпенглер), содержательный (Р. Барт, Г. Маркузе) и символический (Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, М. Фуко). В рамках символического подхода мы используем метод, разработанный П. Штомпкой в работе «Визуальная социология» [15]. Сам автор называет его «дискурсивной интерпретацией», которая подчеркивает знаки и правила, придающие знакам определенные значения, а также переговорную практику и институциональные контексты, которые основываются на определенных правилах.

Дискурсивная интерпретация образов, представленных в СМИ, позволяет охарактеризовать и оценить эту общность значений более детально. Этот метод позволяет проанализировать, какая именно форма репрезентации социального мира доминирует, какие формы взаимодействия формирует медиатекст между людьми и миром, а также между властью имущими и всеми остальными, как одно и то же значение может меняться в зависимости от того, в каком медиатексте оно используется, и какие способы видения и мышления мы можем там обнаружить.

Итак, 3 апреля 2017 г. в 14.33 по местному времени в вагоне метро на станции «Технологический институт» г. Санкт-Петербурга прогремел взрыв. Новости из большой северо-восточной европейской страны – России

с населением сто сорок шесть миллионов человек редко попадают в заголовки мировых СМИ с расставленным акцентом сочувствия. Но этот чудовищный террористический акт, безусловно, вызвал сочувствие. В то же время национальные СМИ постоянно распространяли слухи о личностях и возможных мотивах преступников. Спекуляции в СМИ основывались на предположении, что исполнители таких бесчеловечных нападений могут быть только мусульманского происхождения и связаны с салафитско-джихадистскими движениями, такими как ИГИЛ (запрещенная в РФ организация) или отождествленными с ними. В тот же день телеканал «Рен ТВ» в вечернем выпуске новостей сделал сенсационное заявление о раскрытии личности террориста: «Как видно на снимке, сделанном камерой наблюдения, мужчина носит бороду. На нем была мусульманская шапочка» [12]. Этим человеком оказался дальнобойщик Ильяс Никитин. Его задержали на следующий день в аэропорту Санкт-Петербурга, но к теракту он никакого отношения не имел.

Рис. 2. Предполагаемый террорист

Тема «исламского терроризма» стоит особняком в рассматриваемых материалах. В частности, авторы многих изданий без сомнения утверждают, что в происшествии замешано «Исламское государство» или подпольные террористические организации Северного Кавказа: «Любые крупные города России могут стать мишенью для террористов, связанных с исламистским подпольем, полагает главный редактор интернет-издания «Кавказский узел» Григорий Шведов» [1]. В материалах одного из изданий вводится даже особый

термин, с которым мы сталкиваемся впервые в своей практике, – «исламская преступность» [10]. Стоит отметить упоминание российского региона, где традиционно проживают мусульмане, обобщенно Кавказа. Однако риторические приемы, использованные авторами, выражающиеся в особом выделении Кавказа, и систематическая экстраполяция на первую и вторую чеченские войны и теракты начала 2000-х [10] не позволяют сохранять восприятие Кавказа как российского региона, и потому оно смещается в сторону чужеродности.

Обсуждение личности предполагаемого террориста в одночасье захлестнуло и соцсети, где люди требовали возмездия: «Господи, что творят эти нелюди!» [9], «Это ж надо быть настолько НЕЛЮДЯМИ, чтобы такое совершить! Успокаивает лишь одно: все ходим под БОГОМ и каждому воздастся за деяния!» [8], «Последний год в Питере бородачей жестко пресуют, все нелегальные молельные комнаты понакрывали и позакрывали, на улицах пачками выхватывают. Боюсь, что это дело рук небратьев» [3].

Заметим, что реальным террористом оказался 22-летний гражданин России Акбаржон Джалилов. Эту новость преподнесли в СМИ так: «Это 22-летний уроженец Киргизии Акбаржон Джалилов. Последние несколько лет он жил в России и успел обзавестись российским гражданством» [13]. Как видим из публикации, акцент ставится на том, что он родом из Киргизии. Его российское гражданство обозначено как нечто случайное. Во всех материалах мы наблюдаем одну картину: преступником является уроженец Киргизии. Это сказывается и на сознании людей.

Таким образом, мы видим устойчивую дихотомию «Мы – Другие», где «Мы» – добропорядочные люди, от которых не стоит ожидать опасности, а «Другие» – мусульмане, у которых существуют априорные тенденции к разрушению. Мы усвоили и развиваем редуционистские и монолитные образы «нас» и «их» (две «культуры») [21, с. 26]. Заметим, негативизация ислама и мусульман осуществляется только посредством риторики СМИ, а люди, в свою очередь, являются интерпретаторами уже знакомой идеологической конструкции.

Мы живем в перенасыщенном информацией мире, в каждой семье есть телевизор, выход в Интернет, и почти всеми используются соцсети. Как отмечает Л.В. Матвеева, дети наиболее восприимчивы к внешним источникам информации, поскольку «для детей СМИ зачастую являются единственным авторитетным источником информации» [7, с. 44]. Более того, это активные в будущем граждане, родители, политики. Все они получают информацию из внешних источников, особенно когда речь идет о национальной трагедии. И именно СМИ и их взрослые адресаты участвуют в их социализации. Способны ли получающие подобный посыл дети в будущем участвовать в конструировании российской нации, быть восприимчивыми к проблемам другого человека и, наконец, понять «Другого», который является частью нашего общества?

В 2019 г. мы провели лонгитюдное исследование на основании публикации Джеймса Гарбарино, Эми Говернейл и других сотрудников университета Лойолы в Чикаго, предметом которой является восприятие детьми новостей о террористах [18]. Результаты исследования заставили нас задуматься над поставленным выше вопросом. Были опрошены обучающиеся 5, 7 и 9-го классов по 20 человек в каждой возрастной категории. Им предлагалось нарисовать террориста, описать его атрибуты, лозунг, имя и источник его появления в нашем обществе; результаты представлены в таблице.

Таблица

Террорист глазами детей

Возрастная группа	Наиболее частые наименования субъекта	Атрибуты, наиболее часто встречающиеся в описании	Символы, наиболее часто встречающиеся в рисунке	Лозунги	Вероисповедание
5 класс (11–12 лет)	Ахмед (50%), Моджахед (20%), Андрей (10%), Аллах (5%), иные варианты (15%)	Автомат (90%), пистолет (70%), бомба (75%), жилет (35%), борода (80%), местный (20%), приезжий (65%)	Борода (85%), тюрбан или тюбетейка (50%), маска (40%), открытое лицо (10%), пояс или жилет смертника (90%)	«Аллах акбар» (45%), «Смерть неверным» (10%), без лозунга (30%), иное (15%)	Ислам (75%), христианин (10%), атеист (10%), любое (5%)

Окончание таблицы

Возрастная группа	Наиболее частые наименования субъекта	Атрибуты, наиболее часто встречающиеся в описании	Символы, наиболее часто встречающиеся в рисунке	Лозунги	Вероисповедание
7 класс (13–14 лет)	Ахмед (35%), Хабиб (30%), Владимир (15%), иные варианты (20%)	Автомат (70%), пистолет (25%), бомба (80%), маска (45%), борода (35%), местный (60%), приезжий (40%)	Бомба (80%), маска (45%), тюрбан/тюбе тейка (50%), борода (35%), открытое лицо (55%), иные варианты (15%)	«Аллах акбар» (75%), «Смерть неверным» (15%), иное (10%)	Ислам (90%), любое (10%)
9 класс (15–16 лет)	Ахмед (60%), Владимир (20%), Рамзан (10%), иные варианты (10%)	Пистолет (60%), автомат (30%), бомба (70%), маска (20%), сумка (15%); местный (90%), приезжий (10%)	Бомба (70%), маска (20%), сумка (20%), тюрбан/тюбе тейка (55%), борода (65%), иные варианты (35%)	«Аллах акбар» (65%), «Такбир» (15%), «Смерть неверным» (10%), «Россия для русских» (10%)	Ислам (55%), любое (35%), путинизм (10%)

Как видно из таблицы, дети полностью воспроизводят риторику СМИ и средств массовой коммуникации (СМК), накладывая собственные политические взгляды на этот образ. Тем не менее в усредненном значении террориста зовут Ахмед, у него есть автомат, пистолет, бомба, борода и он исповедует ислам. В некотором смысле это повторяет фразу телеканала «Рен ТВ»: «Как видно на снимке, сделанном камерой наблюдения, мужчина носит бороду. На нем была мусульманская шапочка» [12].

Совершенно очевидно, что «Другой» существовал и будет существовать всегда. Такова человеческая природа, следствием которой является его конструирование. Мы знаем, что дихотомии «эллыны – варвары», «римляне – варвары», «христиане – язычники», «просвещенные – отсталые» в своем основании имеют много общего. В частности, они формируют социальный порядок, являются фактором сплочивания общества и необходимым условием

действительного признания существования непостижимых и увлекательных для общности тайн. Как это ни парадоксально, «Другой» является единственным зеркалом, в котором мы можем рассмотреть себя. Чем больше мы делаем мир вокруг нас странным, чуждым и непроницаемым, тем более полным становится наше постижение самих себя.

Однако сегодня не осталось моноэтнических государств. Политические, экономические и культурные связи непрерывно растут. Не задумываясь над политикой риторики, общество становится слепо для самого себя, а потому нежизнеспособно. Современная исламофобия черпает свое вдохновение из этого источника.

Утверждая, что исламофобия возникает как реакция на террористические акты, мы упрощаем это явление, следовательно, борьба с ним становится невозможной: нельзя победить собственную тень. Культура из эпохи в эпоху воспроизводит исламофобию как дерево, вершиной которого являются негативные образы ислама и мусульманина [2, с. 528]. Страх перед чужим – это скрытые корни дерева, продолжающие его питать. Из корней произрастает ствол, несущий в себе воспроизводство негативного образа, стереотипы, политические идеи, дискриминирующие миллионы людей и агрессию. В итоге в качестве урожая с этого дерева мы получаем дискриминируемые социальные группы, религиозные или геополитические причины для войн, кровавые конфликты и, главное, исковерканные судьбы людей.

Как иронично подметил Умберто Эко, «тому, кто получает сообщение, остается частица свободы – свобода прочитать его по-другому» [16, с. 152]. Мы находимся в подвешенном состоянии свободы и несвободы. Однако все это отражается на нашей субъективной картине мира и социальном взаимодействии. Россия уверенно входит в пятерку мировых лидеров по количеству мигрантов [11], на ее территории проживает от 14,5 до 20 миллионов мусульман [6, с. 24]. При этом мы постоянно наблюдаем открытую антимусульманскую риторическую политику. Таким образом, начиная со СМИ, проникая в соцсети, а затем и в головы людей, реализуется ниточка, дискредитирующая огромную часть нашего же – российского – общества.

Индивид неспособен самостоятельно повлиять на террористический акт. Конкретный человек неспособен самостоятельно создать массовый образ этого теракта. Он способен лишь его интерпретировать. Каждый человек является носителем образа. И только СМИ способны создавать восприятие террористического акта. Только СМИ способны заложить категории, воспринимаемые адресатом. На сегодняшний день эти категории отображены в данной статье.

Список литературы

1. Взрыв в метро Санкт-Петербурга: что известно о произошедшем // РБК [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/03/04/2017/58e2384a9a7947f3f0173629> (дата обращения: 16.03.2020).
2. Иванов А.С., Вертинский А.В. Смысловые рамки исламофобии // Научные труды КубГТУ. – 2019. – № 4. – С. 520–530.
3. Комментарий tetsuo70spb // livejournal.com [Электронный ресурс]. – URL: <https://rovego.livejournal.com/7443320.html?page=2#comments> (дата обращения: 08.04.2020).
4. Крымин А., Энгельгардт Г. Исламофобия // Отечественные записки. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/islamofobiya> (дата обращения: 04.04.2017).
5. Ксенофобия в 2017 году // Левада-центр. – 2017. – 23.08.2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2017/08/23/16486/> (дата обращения: 18.11.2018).
6. Малашенко А.В. Надо ли бояться ислама? – М. : Весь мир, 2017. – 168 с.
7. Матвеева Л.В. Дети и СМИ: Проблемы взаимодействия // Национальный психологический журнал. – 2006. – С. 42–53.
8. Публикация NadonGaudi // Вконтакте [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/search?c%5Bper_page%5D=40&c%5Bq%5D=%23%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80&c%5Bsection%5D=statuses&w=wall265827117_766 (дата обращения: 29.03.2020).
9. Публикация Юлии Поповой // Вконтакте [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/search?c%5Bper_page%5D=40&c%5Bq%5D=%23%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80&c%5Bsection%5D=statuses&w=wall531130_2750 (дата обращения: 28.03.2020).
10. Путин в Питере. Взрыв в метро // Радио Свобода [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.svoboda.org/a/28407906.html> (дата обращения: 16.03.2020).
11. Рейтинг стран по количеству мигрантов // Nonews.com [Электронный ресурс]. – URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/immigrant-population> (дата обращения: 08.04.2020).

12. Рен ТВ публикует фото предполагаемого террориста, устроившего взрыв в метро Петербурга [Электронный ресурс]. – URL: <http://ren.tv/novosti/2017-04-03/ren-tv-publikuet-foto-predpolagaemogo-terrorista-ustroivshego-vzryv-v-metro> (дата обращения: 03.11.2019).
13. Силовики рассказали, как обезвредили вторую бомбу в петербургском метро // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk.ru/incident/2017/04/04/siloviki-rasskazali-kak-obezvredili-vtoruyu-bombu-v-peterburgskom-metro.html> (дата обращения: 17.03. 2020).
14. Тишков В.А. СМИ и ксенофобия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.narodru.ru/articles1520.html> (дата обращения: 24.04.2020).
15. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования : учебник / пер. с пол. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровского. – М. : Логос, 2007. – 168 с. + 32 с. цв. ил.
16. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста // Умберто Эко / пер. С. Серебряного. – М. : АСТ; CORPUS, 2016. – 570 с.
17. Allen C. Islamophobia // Ashgate e-book. – 2010. – 230 p.
18. Garbariano J., Governale A., Henry P., Nesi D. Children and Terrorism. / sharing child and youth development knowledge volume 29, number 2, 2015. – P. 1–30.
19. Islamophobia // Challenge for Us All [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.runnymedetrust.org/uploads/publications/pdfs/islamophobia.pdf> (дата обращения: 25.02.2020).
20. Marranci G. Multiculturalism, Islam and the clash of civilisations theory: rethinking islamophobia // Culture and Religion. – 2004. – V. 5. – P. 105–119.
21. Martín-Muñoz G. Unconscious Islamophobia // HUMAN ARCHITECTURE: JOURNAL of the Sociology of Self-Knowledge, VIII, 2, FALL 2010. – P. 21–28.
22. Meer N., Modood T. Refutations of racism in the ‘Muslim question’. Patterns of Prejudice. – Vol. 43. – 2009. – P. 335–354.
23. Noor F.A. How Washington’s ‘War on Terror»’ Became Everyone’s Islamophobia and the Impact of September 11 on the Political Terrain of South and Southeast Asia // Human Architecture Journal of the Sociology of Self-Knowledge. – 2006. – V. 1. – P. 29–50.

УДК 378.4

DOI: 10.24412/2308-7226-2020-2-80-87

Рожнёва Инга Владимировна
старший преподаватель кафедры экономики

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, (342) 238-63-44
e-mail: rozhnyova_iv@pspu.ru*

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Inga V. Rozhneva
St. teacher of the department of economics

*FSBEI of HE 'Perm State Humanitarian Pedagogical University', Perm, Russia
614990, Perm, Sibirskaya, 24, e-mail: rozhnyova_iv@pspu.ru*

ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION COMPETENCE IN THE FIELD OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP

Аннотация. Рассматриваются организационно-педагогические условия формирования компетентности в области социального предпринимательства через призму создания развивающей среды – «Бизнес-инкубатора социальных изменений».

Ключевые слова: бизнес-инкубатор социальных изменений; организационно-педагогические условия; компетентность в области социального предпринимательства; развивающая среда; социальное партнерство.

Abstract. The organizational and pedagogical conditions for the formation of competence in the field of social entrepreneurship, through the prism of creating a developing environment for the 'Business incubator of social change' are considered.

Key words: business incubator of social change; organizational and pedagogical conditions; competence in the field of social entrepreneurship; developing environment; social partnership.

В рамках неклассической концепции предпринимательской деятельности возникают новые вызовы, несущие социальные изменения и даже некую социальную миссию, и педагогический университет может вести деятельность в этих меняющихся реалиях.

Студенты проявляют озабоченность будущим состоянием российской экономики и трудностями выхода на рынок труда. Это заставляет их выбирать образовательную организацию, которая предоставляет возможность выбора инструментов для приобретения навыков, способствующих осуществлению в будущем своих собственных проектов, большей самостоятельности и осознанной включенности в механизмы социального развития. В этой логике может действовать педагогический университет: вносить изменения в направления социального предпринимательства и социального проектирования, формировать компетентность студентов и преподавателей.

Налицо противоречие между потребностью в социальных изменениях и отсутствием в образовательной организации условий, формирующих компетентность субъекта в области социального предпринимательства. Отсюда вытекает задача – выявить условия формирования компетентности в области социального предпринимательства.

В связи с этим была сформулирована проблема, состоящая в том, чтобы через выявление условий создать возможность моделирования компетентности субъекта в области социального предпринимательства, соответствующей запросам современного рынка труда в условиях повышения конкурентоспособности социальных секторов экономики, которые обеспечивают развитие человеческого капитала в России.

Общеметодологические условия формирования социальной и предпринимательской компетентности выделялись в работах В.А. Воробьевой [2], К.Ф. Гусина [3], В.В. Колчиной и М.Г. Сергеевой [5], Е.Ю. Ливенцовой и И.Ю. Малковой [6].

Для выявления условий, которые будут способствовать формированию компетентности в области социального предпринимательства, уточним, что нами понимается под таковыми.

А.А. Володин, Н.Г. Бондаренко раскрывают на основе междисциплинарного подхода понятие «организационно-педагогические условия» через понятийную систему: условие, организация, организационные

условия, педагогические условия, пространственная среда, образовательная среда, пространственно-образовательная среда, образовательные отношения [1].

В нашем случае анализ научной литературы и содержания компетентности в области социального предпринимательства, позволяет выделить организационно-педагогические условия формирования компетентности в области социального предпринимательства в Пермском гуманитарно-педагогическом университете (далее – педагогический университет):

- создание в педагогическом университете стимулирующей среды для формирования компетентности обучающихся в области социального предпринимательства;

- разработка диагностической технологии для формирования компетентности обучающихся в области социального предпринимательства как процесса определения образовательных результатов;

- расширение образовательного пространства за счет социального партнерства;

- развитие студенческих социально-предпринимательских и технологических инициатив;

- развитие самореализации и самопознания.

Перечень организационно-педагогических условий формирования компетентности в области социального предпринимательства в педагогическом университете позволяет нам перейти к проектированию стимулирующей среды.

В педагогическом университете основным элементом стимулирующей среды может стать бизнес-инкубатор (или центр) социальных инноваций (далее – инкубатор). Самая распространенная специализация как российских, так зарубежных инкубаторов при вузах – техническая. Так, 34 % российских инкубаторов работают в сфере информационно-коммуникационных технологий. В Европе и мире данный показатель – 39 и 48 % соответственно. Около 17 % инкубаторов заявляют о намерении взять любой проект или идею. В свою очередь, непопулярным направлением являются экологически чистые технологии (доля организаций всего 2 %) [7].

Цель деятельности инкубатора – организация и развитие социальной инновационной деятельности, направленной на создание жизнеспособных, коммерчески эффективных проектов (продуктов) в рамках приоритетных направлений развития университета, а также развитие молодежного социального и технологического предпринимательства в условиях реального рынка труда.

Предполагается использовать следующие основные термины формируемой структуры (стимулирующей среды):

– **социальные инновации** – новые идеи, стратегии, технологии, которые способствуют решению социально значимых задач и вызывают социальные изменения общества [4];

– **технологические инновации** – конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового либо усовершенствованного продукта (или услуги), внедренного на рынке, нового либо усовершенствованного процесса или способа производства (передачи) услуг, используемого в практической деятельности. Технологическими инновациями могут быть как те продукты, процессы, услуги и методы, которые организация разрабатывает впервые, так и те, которые перенимаются ею у других организаций [8];

– **целевая аудитория** – студенты, аспиранты, сотрудники, выпускники педагогического университета.

Для достижения поставленной цели в инкубаторе решаются следующие задачи:

– обеспечение функционирования системы инкубации бизнес-проектов и стартапов из целевой аудитории;

– формирование у целевой аудитории компетентности в области социального предпринимательства;

– создание условий для развития социальной инновационной деятельности в педагогическом университете и координация работ, выполняемых подразделениями университета в сфере технологий;

– вовлечение целевой аудитории в процесс создания, разработки и реализации социальных инновационных проектов;

– использование результатов деятельности бизнес-инкубатора в образовательном процессе педагогического университета (подготовка студентов, программ профессиональной переподготовки, повышения квалификации).

Мероприятия, проектируемые в рамках деятельности инкубатора, проводятся в логике программы развития педагогического университета.

В рамках образовательной стратегии:

– внедрение модульного формата индивидуальной образовательной траектории с использованием проектного обучения в целях формирования компетентности в области социального предпринимательства;

– реализация программ: «Основы предпринимательства» (дисциплина из вариативной части, по выбору, ведется в потоке до 30 человек – лекции, тренинги, участие в мероприятиях), преакселератор «Образовательный стартап», «Акселератор социальных инноваций совместно с социальными партнерами», курс «Инструменты без кода» для создания минимально жизнеспособного продукта (MVP), «Школа социального и технологического предпринимательства» для преподавателей и студентов;

– содействие в подготовке бизнес-проектов к участию в конкурсах по инновационной, социальной и предпринимательской тематике.

В рамках исследовательской стратегии:

– содействие в подготовке проектов к участию в грантовых конкурсах по инновационной и социальной тематике.

В рамках административной стратегии:

– внедрение матричной системы управления.

В рамках кадровой стратегии:

– привлечение педагогов из других вузов и экспертов из различных отраслей;

– включение критерия результативности академической деятельности: участие в проекте инкубатора.

В рамках инфраструктурной стратегии:

- организация контактного офиса;
- предоставление коворкинга, конференц-зала педагогического университета для реализации бизнес-проектов;
- консультирование по бизнес-планированию, юридическим вопросам, в частности, защите и трансферу интеллектуальной собственности;
- консультирование по маркетингу, продажам, питчингу;
- проведение мероприятий для целевой аудитории: инвесторов и всех, кому интересна сфера стартапов;
- предоставление услуг международным стартапам по выходу на российский рынок.

В рамках финансовой стратегии:

- диверсификация источников финансирования инкубатора.

В рамках стратегии цифровизации:

- производство и продвижение высококачественного мультимедиаконтента для целевой аудитории;
- разработка и запуск сайта, сообществ в социальных сетях (VK, Instagram).

В рамках маркетинговой стратегии:

- формирование в педагогическом университете центра притяжения социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО), социальных предпринимателей, талантливой молодежи в социально-гуманитарном сегменте.

В соответствии с программой развития педагогического университета деятельность инкубатора планируется оценивать по количественным и качественным результатам.

Количественные результаты: число заявок, «дипломов как стартап»³, резидентов (с юридическим статусом), партнеров, спонсоров, часов тренингов, экспертов и менторов, полученных грантов, организованных мероприятий,

---

³ Защита дипломов в форме стартап-проектов.

вовлеченных сотрудников, инвесторов, партнеров из числа корпораций, государственных структур, контактов с зарубежными инкубаторами, процент иногородних стартапов.

Качественные результаты: расширен ассортимент образовательных продуктов, запущен процесс интеграции науки и бизнеса, вовлечена в исследовательскую и инновационную деятельность талантливая молодежь из целевой аудитории, внедрена структура матричного управления, созданы точка доступа к цифровым ресурсам для целевой аудитории, студенческий коворкинг и контактный офис, мультимедиа контент для целевой аудитории, расширены партнерские отношения с бизнесом и НКО, сформированы контакты с зарубежными инкубаторами, повышена привлекательность университетского бренда.

Расширение образовательного пространства возможно за счет сотрудничества с социальными партнерами: АО «Корпорация МСП ПК», фондом «Наше будущее», АО «СИБУР-ХИМПРОМ», АО «ОМК», ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере», БФ семьи Рыбаковых, БФ В. Потанина, Пермским отделением общественной организации «Опора России», ПАО «МТС», фондом поддержки социальных проектов БФ «Система», АНО ПКЦ «Практикум».

Выделенные организационно-педагогические условия в части создания развивающей среды и социального партнерства, на наш взгляд, необходимы для формирования компетентности в области социального предпринимательства.

Список литературы

1. Володин А.А., Бондаренко Н.Г. Анализ содержания понятия «Организационно-педагогические условия» // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-soderzhaniya-ponyatiya-organizatsionno-pedagogicheskie-usloviya> (дата обращения: 10.11.2020).

2. Воробьева В.А. Опыт-экспериментальная работа по проверке эффективности методики формирования социальной компетенции будущих магистров педагогического образования // Вестник ВГТУ. – 2014. – № 5-2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opytno-eksperimentalnaya-rabota-po-proverke-effektivnosti-metodiki-formirovaniya-sotsialnoy-kompetentsii-buduschih-magistrov> (дата обращения: 10.11.2020).

3. Гусин К.Ф. Предпринимательские компетенции в структуре профессиональной компетентности будущего учителя технологии // Школа и производство. – 2016. – № 7. – С. 59–64.

4. Инновация // Казахстан. Национальная энциклопедия. – Алматы : Қазақ энциклопедиясы, 2005. – Т. II.

5. Колчина В.В., Сергеева М.Г. Формирование инновационно-предпринимательской компетентности у студентов вуза – будущих менеджеров : монография / Региональный финансово-экономический институт. – Курск : Деловая полиграфия, 2016. – 290 с.

6. Ливенцова Е.Ю., Малкова И.Ю. Развитие социально-предпринимательской компетентности обучающихся в образовательном пространстве классического университета // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 425 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sotsialno-predprinimatelskoj-kompetentnosti-obuchayuschih-sya-v-obrazovatelnom-prostranstve-klassicheskogo-universiteta> (дата обращения: 01.11.2020).

7. Сергеева Т.Л., Павлов А.А., Васильев В.Е. Бизнес-инкубаторы при университетах: российский и зарубежный опыт // Beneficium. – 2018. – № 3 (28) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-inkubatory-pri-universitetah-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения: 10.09.2020).

8. Статистика инноваций (методология к рубрике «Инновации») // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/nauka/metoda.docx (дата обращения: 10.10.2020).

Электронное научное издание

**ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 3

Гуманитарные и общественные науки

ВЫПУСК 2, 2020

Электронный научный журнал

Ответственный редактор серии
Краузе Александра Анатольевна
Ответственный секретарь серии
Габриель Наталья Леонидовна

Дата размещения на сайте: 09.12.2020

Редактор М.Г. Коровушкина
Технический редактор Д.Г. Григорьев

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ГСП, ул. Пушкина, 44, оф. 115
тел. (342) 215-18-52, доб. 394
e-mail: rio@pspu.ru